ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Понедельник, 10 мая 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 25 (661)

7 мая в Кремле на заседании Президиума ЦИК СССР состоялось вручение орденов артистам Московского ордена Ленина Художественного Государственного Академического театра СССР им. М. Горького.

На снимке (слева направо) — первый ряд: О. Н. Андровская (засл. арт. респ.), Е. С. Телешева (засл. арт. респ.), В. Н. Попова (засл. арт. респ.), А. П. Зуева (засл. арт. респ.), К. Н. Еланская (засл. арт. респ.), О. Л. Книппер-Чехова (нар. арт. СССР), Н. Н. Литовцева (засл. арт. респ.), Л. М. Коренева (засл. арт. респ.), Ф. В. Шевченко (нар. арт. РСФСР), С. В. Халютина (засл. арт. респ.), Т. К. Черкасова (одевальщица), М. И. Кириллова (одевальщица), В. С. Соколова (засл. арт. респ.) и М. П. Лилина (нар. арт. РСФСР). **Второй и третий ряд:** И. А. Акулов (секретарь ЦИК СССР), А. И. Степанова (засл. арт. респ.), И. С. Уншлихт (секретарь Союзного Совета), сзади В. А. Орлов (засл. арт. респ.), В. Я. Чубарь (зам. пред. Совнаркома СССР), сзади М. Н. Кедров (засл. арт. респ.), В. И. Немирович-Данченко (худ. рук. театра, нар. арт. СССР), сзади Б. Н. Ливанов (засл. арт. респ.) и И. Я. Судаков (засл. деят. иск.), П. М. Керженцев (председатель Всесоюзного комитета по делам искусств), И. М. Москвин (нар. арт. СССР), М. И. Калинин (председатель ЦИК СССР и ВЦИК), сзади Н. А. Подгорный (засл. арт. респ.), М. П. Аркадьев (директор театра), сзади Б. Г. Добронравов (нар. арт. СССР), Н. С. Хрущев (секретарь МК ВКП(б)), А. К. Тарасова (нар. арт. СССР), Н. П. Хмелев (нар. арт. СССР), Н. А. Филатов (председатель Мособлисполкома), сзади В. Л. Ершов (засл. арт. респ.), Б. Л. Израилевский (засл. арт. респ.), Л. М. Леонидов (нар. арт. СССР), А. С. Киселев (секретарь ВЦИК), В. О. Топорков (засл. арт. респ.), сзади В. А. Вербицкий (засл. арт. респ.), В. Д. Бендина (засл. арт. респ.), сзади В. Я. Станицын (засл. арт. респ.), Я. И. Гремиславский (старший гример-консультант), В. И. Качалов (нар. арт. СССР), сзади И. К. Квантковский (секретарь парткома). **Четвертый ряд:** И. И. Дмитриев (гардеробщик), В. Г. Сахновский (засл. арт. респ.), И. К. Тщедушнов (одевальщик), И. М. Кудрявцев (засл. арт. респ.), И. И. Гудков (зав. электро-цехом), М. М. Яншин (засл. арт. респ.), И. И. Титов (машинист сцены), М. Г. Журин (арт. оркестра), М. И. Прудкин (засл. арт. респ.), Г. Г. Лопатин (завед. бутаф. мастерской), И. Н. Дульнев (рабочий сцены), М. Г. Фалеев (зав. грим. цехом), П. П. Морозов (старш. билетер), В. А. Камахин (арт. оркестра).

Фото О. Лоскутова (Союзфото).

Уроки работы братских писательских организаций

Писатели советской страны дружно откликнулись на решения Пленума ЦК ВКП(б).

Писательская масса приняла активное участие в обсуждении насущных вопросов работы союза советских писателей, в разоблачении маскирующихся и недобитых врагов народа, в выявлении недочетов работы, ошибок и упущений союза и его секций.

Большевистская критика и самокритика дает нам возможность, разоблачая врагов и изгоняя их из нашей среды, коллективной работой выполнять возложенные на нас, советских писателей, ответственные и почетные задачи.

Писательские собрания в Ленинграде, Москве, Минске, Киеве и других городах Советского Союза показали высокий уровень сознательности и ответственности писателей в разрешении вопросов работы **своего** союза.

Однако, не все писательские организации Советского Союза сделали необходимые выводы из решений Пленума ЦК ВКП(б). Ряд организаций ССП с большим запозданием провел собрания писателей, несмотря на то, что именно у них и по линии литературно-политической и в практической работе имелись и имеются грубые ошибки и недочеты.

Даже после того, как секретариат ССП в первых числах апреля специальной директивой предложил краевым и национальным организациям созвать общие собрания писателей, некоторые из них (Казахская, Татарская, Калмыцкая и др.) провели собрания с запозданием почти на целый месяц. Но есть и такие писательские организации (Марийская, Мордовская и др.), которые вообще решили не спешить с созывом собраний.

Опубликованные за последнее время в «Литературной газете» материалы о состоянии союзов советских писателей в национальных республиках (Башкирская, Чувашская, Калмыцкая и Марийская) и имеющиеся у нас сведения об остальных, ставят перед нами ряд неотложных, требующих срочного разрешения, задач.

Указания великого Сталина в докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) о необходимости покончить с политической беспечностью целиком относятся и к писательским организациям.

Только политической беспечностью, этой идиотской болезнью, можно об'яснить тот факт, что враги народа, троцкистско-националистические элементы, пролезли в писательскую среду и вели здесь свою гнусную, предательскую, диверсионную работу.

Мы «оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску». (Сталин).

Политическая беспечность привела к тому, что враги народа, обнаглев, протянули свои грязные лапы к нашей писательской молодежи, пытаясь обеспечить себе резервы в неокрепших кадрах. Руководство же некоторых ССП благодушно передоверило воспитание молодых начинающих писательских кадров чужакам: в Чувашии, в Крыму, в Калмыкии.

Невнимание к вопросам воспитания молодых начинающих писателей (Башкирия, Северная Осетия, Марийская республика и др.), к их нуждам и запросам, преступное равнодушие к их судьбе, ставят под угрозу нашу работу по подготовке новых кадров советских писателей.

Этот урок должен быть учтен в первую очередь всеми национальными писательскими организациями.

Теперь, когда в целом ряде писательских организаций разоблачены троцкистско-националистические диверсанты-убийцы, враги народа (Армения, Украина, Грузия, Азербайджан и др.), когда разоблачены и выброшены из рядов советских писателей двурушники, контрреволюционные националисты (Татария, Бурято-Монголия, Северная Осетия, Марийская республика и т. д.), со всей очевидностью обнаружилась наша слабость, неповоротливость, которыми воспользовался враг. Там, где мы не руководили, враг действовал почти безнаказанно.

Не случайно, что на протяжении последнего года в большинстве писательских организаций не проводились писательские собрания, не созывались пленумы (Калмыкия, Башкирия, Татария, Чувашия и др.), на которых должны были обсуждаться отчеты республиканских правлений ССП.

Все волнующие писательскую общественность вопросы разрешались по-семейному, без широкого обсуждения, без привлечения писателей.

Не случаен тот факт, что в Марийской, Чувашской, Калмыцкой, Башкирской писательских организациях не обсуждались итоги Чрезвычайного VIII с'езда Советов, не созывались писательские собрания в связи с процессом над бандой троцкистско-фашистских убийц.

Критика деятельности правлений, самокритика совсем не были развернуты.

Все перечисленные факты говорят об одном: об оторванности руководства от писательской массы, об его замкнутости и наличии семейственности. За 2 года во многих нацорганизациях не принят ни один новый член союза из молодых даровитых писателей.

Оторванностью руководства от писательской массы об'ясняется и тот факт, что до последнего времени в писательской среде оставались ныне разоблаченные враги народа: в Татарии — Гумер Галеев, в Бурято-Монголии — Солбонэ Туя, в Кабардино-Балкарии — Дж. Налоев, в Марийской республике — Карпов, Вас. и Н. Мухины и т. д.

Надо прямо сказать, что правление, президиум и секретариат ССП после всесоюзного с'езда писателей занимались национальными организациями лишь от случая к случаю и к тому же только в связи с крупными событиями, назревшими на местах. Не по инициативе руководства союза были вскрыты, разоблачены троцкистско-дашнакские элементы в ССП Армении, троцкистско-меньшевистские элементы в ССП Грузии, троцкистско-националистические элементы и группки на Украине, в Азербайджане и т. д.

Мы должны отметить также недостаточную работу «Литературной газеты» по освещению деятельности национальных союзов писателей.

Первые итоги прошедших собраний в десяти национальных организациях дают нам возможность (правда, с некоторым опозданием) сделать выводы и в отношении остальных, нуждающихся в помощи и обмене опытом.

Один из основных недостатков работы республиканских союзов писателей заключается в том, что узкий круг писателей и литруководителей боится выдвигать молодых писателей, задерживает их рост.

Дальше такое положение терпеть нельзя. Надо смело выдвигать молодых, даровитых и способных писателей, как по творческой, так и по организационной линии. Нельзя забывать, что писательская молодежь и в общетеоретическом и в культурном отношении иногда превосходит «стариков».

Слабым местом работы республиканских ССП надо признать также низкий теоретический уровень литературной критики. Мало, конечно, констатировать этот большой пробел. Всесоюзному ССП следует подумать о серьезных мероприятиях по оказанию из центра помощи, по подготовке кадров критиков.

Наконец, активность писательской общественности надо использовать и в подготовке предстоящих выборов в органы ССП. Новые выборы в руководящие органы ССП должны быть своевременно и тщательно подготовлены.

Никто в мире, ни один строй, ни одна партия не могла дать в руки всего народа такое острое оружие, как наша большевистская самокритика.

Этим оружием мы должны вооружить писательские кадры.

Мы должны до конца «громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родине» вредителей, диверсантов, банду профессиональных шпионов-убийц, троцкистско-националистических подлецов. Исправляя при помощи большевистской самокритики ошибки, мы сможем дружной работой поднять еще выше знамя советской многонациональной художественной литературы

«Председатель» Кави Наджми

(От нашего корреспондента)

Около месяца работала комиссия обкома партии по обследованию деятельности ССП Татарии.

На широком писательском собрании комиссия констатировала полнейший развал работы ССП. Правление не выполнило ни одного пункта решения бюро обкома ВКП(б) «О работе союза советских писателей Татарии», принятого 27 октября 1936 г.

Более того, член партии председатель союза Кави Наджми и его ближайший соратник, сейчас разоблаченный враг народа Гумер Галеев, встали на путь открытого саботажа этого решения.

В своем октябрьском решении обком указывал правлению союза на серьезнейшие срывы и политические ошибки в его работе, но и через полгода комиссия обкома была вынуждена констатировать те же провалы.

Попрежнему в союзе оставалась в загоне творческая работа, совершенно не проводилось воспитательной работы, душилась всякая критика, руководство занималось очковтирательством, саморекламой, окружало себя подхалимами, сомнительными людьми и просто врагами народа, — троцкистами и националистами.

Обком ВКП(б) Татарии в октябре серьезно предупреждал партгруппу союза и лично председателя Кави Наджми о недопустимости либерального отношения к враждебным троцкистским и буржуазно-националистическим элементам, втершимся в литературные ряды, и указывал на необходимость развертывания активной борьбы с идеологическими извращениями, имевшими место в произведениях ряда писателей.

Кави Наджми не посчитался с предупреждением обкома. Вместо того, чтобы по-большевистски мобилизоваться, Наджми занимался дискуссиями о правильности решения обкома, добиваясь его отмены, вместе с тем он продолжал окружать себя националистами и всякими прохвостами.

За его спиной троцкисты и националисты беззастенчиво активизировали свою подлую деятельность в рядах татарских писателей; русская секция была отдана на откуп троцкистке Гинзбург; журнал «Совет Эдэбияте» продолжал печатать контрреволюционные вещи.

Характерно, что правление даже не нашло нужным оформить исключение из союза разоблаченных врагов народа, которые оставались членами союза до сего времени (Гумер Галеев, Гинзбург, Сайфи, Закир Галеев и др.

Писатели на своем собрании подвергли серьезной критике всю деятельность правления и председателя Наджми.

В прениях выступило 35 человек.

Собрание целиком одобрило выводы комиссии и постановило Кави Наджми с работы снять, а старое правление распустить.

На этом же собрании избрано новое правление: вместо председателя союза избран секретариат в составе трех человек: Лябиб Гильманова, Шариф Камала, Газиза Иделле.

И. КРОТОВА

КАЗАНЬ, (По телеграфу)

Новое правление Дома советского писателя

Из отчетного доклада директора ДСП на общем собрании членов Дома (7 мая) и выступлений в прениях (тт. А. Макаренко, Е. Зозули, Н. Адуева, А. Эфроса, С. Левмана, Е. Персонова, А. Карцева и др.) вытекает с непреложной ясностью один вывод:

Главная беда ДСП состоит в том, что руководство союза писателей ни в какой степени не интересовалось работой писательского клуба. Писатели неоднократно сигнализировали о «неполноценности» Дома, о его многочисленных недостатках, о необходимости коренных изменений в самой структуре ДСП и т. д. Но сигналы не доходили до союза, и Дом продолжал существовать в прежнем своем виде.

Насколько мало заинтересовано правление ССП в том, чтобы оживить деятельность Дома писателя, придать ей широкий размах, свидетельствует, по словам т. Карцева, хотя бы то обстоятельство, что в секретариате союза выдвигается мысль о сокращении почти вдвое, по сравнению с прошлым годом, сметы расходов по ДСП.

Если учесть, что даже прежняя смета сильно ограничивала инициативу дирекции Дома и мешала осуществлению ряда важнейших мероприятий, то можно понять, что произойдет, если восторжествует эта точка зрения.

Правильный довод выдвинул в связи с этим Н. Адуев, указавший, что целесообразно было бы повернуться, наконец, и Литфонду лицом к Дому советского писателя. Пора Литфонду, в самом деле, покончить со своей делячеcкой политикой и понять, что он, наряду с прочим, призван поддерживать и все те мероприятия культурно-политического и воспитательного характера, в которых писательская среда заинтересована.

Выступавшие в прениях по докладу т. Либермана дебатировали вопрос о том, каковы должны быть основные функции Дома советского писателя.

Большинство высказывается против одностороннего понимания задач Дома, как задач только развлекательных или культурно-массовых и т. п. ДСП должен выполнять самые разнообразные функции: он должен быть и местом отдыха, и воспитательным центром, но в первую очередь — организатором творческого общения писателей, творческих споров, дискуссий, читок и т. д.

Нужно также ввести, как систему, встречи с представителями смежных искусств, с учеными, с крупными политическими деятелями, хозяйственниками, военными специалистами. Такие встречи организовывались, правда, и раньше, но они далеко не всегда носили тот оживленный характер, на который можно было рассчитывать.

Больше того, очень часто руководство ССП и руководство Дома испытывали конфуз оттого, что на эти встречи писатели являлись в очень небольшом количестве.

Причину этого не трудно разгадать.

Дело в том, что и здесь соблюдался обыкновенно пресловутый «табель о рангах», и на встречи приглашались люди, пресыщенные ими, не заинтересованные в них, — приглашались потому, что в первую очередь организаторы встреч думали о «почетном представительстве», а не о реальных интересах писательской массы.

Нужно по-настоящему демократизировать работу Дома советского писателя. Только таким образом и можно будет внести жизнь в его стены, поднять его авторитет, сделать его действительно центром притяжения для писательской общественности.

За осуществление всех связанных с этим мероприятий возьмется новое правление ДСП, выбранное в количестве 13 человек на общем собрании.

Р.

Под угрозой позорного опоздания

О спектаклях к 20-летию Октября

Почти два месяца прошло с тех пор, как в «Правде» и «Литературной газете» появились статьи, посвященные вопросу о подготовке московских театров к 20-летию Великой Пролетарской революции. Эти статьи были направлены главным образом в адрес Всесоюзного комитета по делам искусств.

В статьях указывалось, что все сроки для подготовительно-организационного периода исчерпаны и театрам давно пора приступить к непосредственной работе над спектаклями.

«Правда» предлагала «связать определенных авторов с определенными театрами. Пусть автор уже совместно с театром заканчивает свою пьесу. Театру это, по крайней мере, даст возможность начать подготовку к спектаклю еще до окончания пьесы» («Правда», № 72, 14 марта 1937 г.).

Услышаны ли сигналы Всесоюзным комитетом по делам искусств? Использованы ли предложения, выдвинутые авторами статей?

Если судить по тому положению, которое существует сегодня в театрах, статей этих в Комитете как будто не читали.

Работу над юбилейными спектаклями ведут только Московский Художественный Академический ордена Ленина театр Союза ССР им. Горького и Камерный театр, которые, не дожидаясь помощи от Комитета, сами нашли для себя и авторов и пьесы.

Малый театр, театры Революции, им. МОСПС, им. Вахтангова, Реалистический и др. не только не приступили еще к работе, но даже не могут сказать, что они поставят в дни великого юбилея. Комитет продолжает кормить их обещаниями, и театры ждут.

Значит ли это, что у театров нет никаких пьес? Отнюдь не значит. Каждый из театров в свое время договорился с авторами и получил от некоторых из них законченные произведения.

Театры давно бы, по всей вероятности, остановили свой выбор на одной из этих пьес, не будь у них перспективы вот-вот получить от Комитета премированную юбилейную пьесу.

Юбилейная пьеса превращается в «кажущуюся точку» на горизонте, удаляющуюся по мере приближения юбилейных дней.

В самом деле: дата окончания конкурса — 1 апреля — превратилась в блеф. Ни одна из конкурсных пьес не была окончена к этому сроку. К 1 мая только одна пьеса была дана для ознакомления театрам.

Два дня назад Малый театр получил от Комитета пьесу Корнейчука «Правда».

И все.

Театры глубоко встревожены этим положением.

Что думает обо всем этом Комитет по делам искусств, в частности т. Боярский? Об этом мы ничего не можем сказать, потому что в течение 11 дней наш сотрудник не мог добиться у т. Боярского получасового разговора.

Не следует забывать о том, что и секция драматургов ССП СССР мало что сделала для своевременной подготовки пьес авторами.

Бывший глава драмсекции В. Киршон, громогласно возмущавшийся бездействием Комитета, на деле ничем не помог ему в проведении конкурса.

Сейчас нам кажется целесообразным поставить на обсуждение театров, драматургов и Комитета следующие предложения, вызванные крайне напряженным состоянием театральных коллективов: драматургов, участвующих в конкурсе, ССП СССР должен полностью освободить от какой бы то ни было организационной работы, предоставив им все необходимые условия для быстрейшего окончания пьес.

Комитету по делам искусств следовало бы организовать оперативную связь и повседневную помощь театрам в их работе над юбилейными спектаклями.

И, наконец, установить окончательный срок представления юбилейных пьес.

Е. КОСТРОВА

Abilia Peraita

Беседа с членом первомайской испанской делегации Абилия Перайта

Антифашистский женский комитет в Мадриде возглавляет республиканка Абилия Перайта — учительница, получившая воспитание в католическом интернате, где она в течение семи лет готовилась к педагогической работе в какой-нибудь церковной школе.

— Годы учения в католическом интернате не пропали для меня даром, — с улыбкой говорит Абилия Перайта, — я поняла всю лживость религии и подлость духовенства. Переехав из Саламанки в Мадрид, я начала работать в атеистической школе и занялась политической деятельностью. Я активно участвовала в борьбе против монархии, против реакции.

— Я с первых дней, — рассказывает о себе Абилия Перайта, — примкнула к борьбе за создание народного фронта, я много раз'езжала по деревням, агитировала среди крестьян. 6 февраля 1936 г., в день выборов в кортесы, мы одержали блестящую победу над реакцией и все силы свои отдаем теперь борьбе за окончательную победу испанского народа.

О своей революционной работе Абилия Перайта рассказывает очень скупо, сдержанно, немногословно. Но в тоне ее и в манере говорить чувствуется талант агитатора, непоколебимо верящего в правоту своего дела, душой преданного народу, до конца защищающего родную землю.

Задумавшись на минуту, Абилия Перайта тихо промолвила: «16 июля 1936 г., накануне восстания мятежников, я отправила к родным в деревню двух своих мальчиков — Рохелия и Эдуарда... С тех пор я ничего не знаю о судьбе своих детей, никаких известий от них не получала... Деревня в руках фашистов. А на следующий день после восстания мятежников в Мадрид вернулся мой муж — железнодорожник Конрадо Фернандес. В тот же день он записался добровольцем и пошел брать казармы Монтанья и Карабанчель... И я принимала участие в подавлении контрреволюции в Мадриде... 25 июля мой муж уехал на фронт. Он боролся на Сьерра Неваде, на Гвадалахаре, он боролся за Сигуэнцу. Его отряд нанес мятежникам большое поражение, захватил пленных, важные документы... И только когда на помощь фашистам подоспели немецкие и итальянские аэропланы и артиллерия, Конрадо Фернандес с товарищами засели в соборе с одним пулеметом и восемнадцать дней оборонялись... Фашисты разрушили собор и мужа моего вместе с его товарищами расстреляли».

Преодолевая волнение, Абилия Перайта сказала: «В последнем письме ко мне с фронта мой муж писал: «Я остаюсь на своем посту как честный республиканец, и если я паду — защищай наше дело до последней капли крови». У нас в Испании много сейчас женщин, которые знают, что мужья их пали в бою и не знают, где их дети... «Лучше быть вдовою героя, чем женою труса», — сказала нам Пасионария, а она всегда говорит то, что думает народ.

— Я была послана леворееспубликанской партией на работу в женский антифашистский комитет.

Я должна вам сказать, что важнейший участок нашей работы — в продовольственных очередях. Ведь пятая колонна состоит также и из женщин, эти реакционерки ведут вреднейшую религиозную и контрреволюционную пропаганду, сеют лживые, панические слухи, шпионят и предают. Мы, республиканки, знаем их предательские уловки, разоблачаем их, опровергаем лживые измышления, дискутируем с теми, кто поддается враждебной агитации.

Мы создали «Комитеты соседок», которые следят за домами, квартирами, населяющими их жильцами, следят за пустующими помещениями. У нас враг может окопаться в любом доме. Контроль за домами и их обитателями — большая политическая работа, воспитывающая бдительность и непримиримость в борьбе с фашистами.

Когда у нас возникают какие-либо сложные вопросы, когда нам нужна помощь, мы обращаемся за советом к Пасионарии. Все мы чувствуем в ней родную мать — она воплотила в себе все лучшие и благороднейшие черты испанской женщины.

— Знаете, — улыбнулась Абилия Перайта, — враги ненавидят ее смертельно. И когда они хотят как можно сильнее оскорбить республиканца, бросают ему с презрением: ты — сын Пасионарии! «Сын Пасионарии» — фашисты хотят, чтобы это звучало как оскорбление, но что, кроме гордости, может почувствовать тот, кого озверелый враг называет сыном Пасионарии!

У нас в стране сильно выросло влияние коммунистической партии, авторитет ее непоколебим, число ее членов увеличивается, много женщин вступает в партию.

Мне так приятно рассказать вам о том, что в Испании нет человека более известного и любимого народом, чем товарищ Сталин. Его братская телеграмма всколыхнула и взволновала массы, она навсегда связала узами братской любви и революционной солидарности народ Испании с народами Советского Союза. И мы, делегаты, приехавшие к вам на международный великий праздник 1 мая, чувствуем себя, как в родной стране, у вас — мы дома... Это чувство мы увезем на родину.

Советский Союз, жизнь которого мы видим сейчас лицом к лицу, многому учит нас. Мы обо всем расскажем, вернувшись в Испанию».

В СЕКЦИИ МОСКОВСКИХ ПОЭТОВ

Бюро секции поэтов не выступило на собрании (4 мая) с отчетом о своей деятельности: только недавно (2—3 месяца назад) оно отчитывалось перед поэтической общественностью Москвы и подверглось серьезной критике за бездеятельность и безынициативность.

За этот короткий период многое изменилось: выяснились новые факты деятельности врагов народа на литературном фронте, в частности разоблаченной оказалась авербаховщина, нагло протаскивавшая в литературу троцкистско-фашистскую идеологию.

В свете этих фактов, естественно, по-новому встает вопрос о бдительности в писательской среде, о борьбе с беспечностью и успокоенностью, о методах воспитания литературной молодежи.

Все эти вопросы поставил в своем вступительном слове на собрании поэтов т. В. Ставский.

Нашли они отражение и в речах поэтов, выступивших при обсуждении кандидатур в новое бюро секции.

Обсуждение это, в котором приняли участие И. Сельвинский, В. Инбер, Н. Асеев, А. Сурков, М. Светлов, И. Уткин Г. Шенгели, Д. Алтаузен, М. Голодный, А. Жаров и др., носило страстный и откровенный характер. Мнения о политическом и творческом лице каждого кандидата высказывались «в лоб».

Одним из наиболее интересных явилось выступление Н. Асеева, горячо говорившего о писательской этике, о задачах критики на современном этапе литературного движения, о необходимости ликвидировать разобщенность, которая ослабляет наш поэтический фронт.

Тайным голосованием избраны пока 4 члена бюро секции поэтов: Н. Асеев, А. Сурков, Мих. Голодный, И. Уткин.

Ввиду того, что остальные кандидаты не собрали нужного количества голосов, доизбрание трех других членов бюро отложено до следующего собрания.

Ник. ПАНОВ

Чего я жду от секции поэтов

Тайные выборы состоялись. Новое бюро секции поэтов приступает к работе. И мы—выборщики—с тревогой и нетерпением ждем: сумеет ли новое руководство отойти от прежних кастовых установок, стать действительным творческим центром всех живых поэтических сил.

Самая система работы прежнего, назначенческого бюро способствовала разобщению поэтической среды, вредному противопоставлению дюжины «избранных», внесенных в списки «бессмертных», всей остальной поэтической массе. Бесспорно, спокойнее было работать с этим избранным кругом и не иметь дела с десятками различнейших индивидуальностей, когда нужно уметь направить каждого, дать каждому возможность работать в полную силу его таланта.

Но в то же время как хирела поэтическая жизнь при подобном бюрократическом руководстве, к каким неприятным неожиданностям привели некоторых поэтов их самоуспокоенность и отрыв от творческой среды! Творческое соревнование, живое общение с читателем всегда имели и будут иметь для нас огромное значение. Вспомним поэтические вечера, «чистки поэтов», устраивавшиеся некогда Маяковским в Политехническом музее. Авторов, которые осмеливались выступать на этих своеобразных соревнованиях, увлеченно прорабатывал весь зрительный зал.

Вспомним олимпиады поэтов, на которых голосованием всех слушателей присуждались премии за лучшие стихи. Оттенок эстрадной богемности и групповой борьбы умалял значение этих интересных начинаний. Но что смогло противопоставить старое бюро секции этой все же заслуживающей внимания практике общения поэтов между собой и с читателем?

Бесспорно, необходимо было реорганизовать хищническое, недобросовестно работавшее бюро выступлений! Но при полной ликвидации его вместе с мутной водой не был ли выплеснут и ребенок? Большинство поэтов лишилось возможности хотя бы изредка выступать перед своим читателем.

С некоторых пор работа многих поэтов—не без участия авербаховских подголосков—стала напоминать слепой полет по явно фальшивым приборам. Роль этих приборов играли некоторые поэтические критики. Они, критики, должны были бы быть первыми и лучшими нашими читателями, корректировать и направлять нашу работу, а на практике—не фальсифицировали ли они читательские мнения собственными рафинированно-эстетскими оценками, дезориентируя авторов и мешая их дальнейшему росту?

А основная масса поэтов вообще стояла вне поля зрения критики, руководство секции вообще не интересовалось ими. Молодой поэт, приходящий в поэзию, оказывался в трудном положении человека, творчеством которого явно никто не интересуется. Так называемый средний поэт оказывался в положении поэтического беспризорника, автора, лишенного полиграфической базы.

Ни для кого не секрет, как скромны поэтические разделы в планах наших издательств, особенно если учесть, какую огромную долю занимают в них переиздания «из сборников» и «собраний сочинений» все одних и тех же немногочисленных «бессмертных». Какого труда стоило рядовому поэту добиться включения в план своей книги стихов. И наряду с этим какое ничтожное место отводится стихам в наших толстых журналах. Кипы рифмованного материала месяцами лежат в очереди на печатание; и нельзя сказать с уверенностью, что в печать попадает лучшее из имеющегося в редакционных портфелях.

Разве нельзя осуществить реальный общественный контроль над поэтическими планами издательств и журналов? Разве нельзя добиться, чтобы в планах издательств были представлены книги большего числа поэтов и чтобы каждая выходящая в свет книга находила должную оценку, всесторонне разбиралась читательской массой.

Именно бюро секции поэтов может активизировать поэтическую критику, сделать ее не только вялым регистратором успехов и неудач, а действительно помощником автора.

Оно должно уметь организовывать общественное мнение вокруг того или другого поэтического произведения. Оно должно быть боевым штабом поэтических боев и наступлений.

С именами почти всех поэтов связаны в нашей среде определенные и подчас неправильные ассоциации. Каждый поэт имеет свой давнишний поэтический ярлык.

Сплошь и рядом это устарелые опознавательные знаки—со времени своего первого заметного выступления в литературе поэт успел вырасти или, наоборот, измельчать, но раз данная ему оценка остается, по традиции, в силе. И все чаще бывает, что сам читатель вносит поправку в характеристику того или другого апробированного автора.

Все чаще случается: поэт-«фаворит», спокойно взиравший на жизнь с Олимпа своих переизданий, неожиданно для себя оказывается в положении коллективно избиваемого, при участии своих недавних друзей. Он кричит и негодует, ему трудно осознать, что это естественная читательская реакция на ряд его прогрессирующих творческих ошибок, о которых своевременно никто не счел нужным его предупредить.

И, наоборот, поэт из малоуважаемых в поэтической среде начинает пользоваться все большей любовью читателей, расценивается гораздо выше кое-кого из своих товарищей, прославленных в канцеляриях ССП.

Задача секции—организовать массовую переоценку поэтов путем ряда широких встреч с читателями и внутрисекционных творческих вечеров-отчетов всех членов секции. Нужно выяснить, что представляет собой в творческом отношении каждый из членов нашего поэтического коллектива, каковы его слабые и сильные стороны, в какой области ему необходимо особенно работать над собой.

Наконец, не нужно забывать, что московская секция поэтов—в то же время центральное поэтическое ядро всего СССР, бесспорно в ней сконцентрированы наиболее квалифицированные поэты Союза.

А ведь наша связь с периферийными поэтами осуществляется исключительно слабо. В большинство городов СССР московские поэты вообще не заглядывали для творческой помощи местным авторам, для активизации местных поэтических сил. А я уверен, что любой из московских поэтов согласился бы связаться с одним из периферийных городов, периодически выезжать туда для творческих встреч.

Конечно, все это может состояться лишь при пересмотре нашего отношения друг к другу, при условии ликвидации равнодушия к творческой судьбе товарища.

К сожалению, вошло в традицию, что почти любой вечер того или другого поэта проходит почти при полном отсутствии его товарищей по перу.

И только на двух последних собраниях, посвященных выборам нового бюро, мы уже смогли убедиться, как сплачивают новые демократические принципы работы, как они помогают устранению ряда предвзятых мнений и поверхностных оценок. От степени работоспособности нового бюро секции будет зависеть углубление этих плодотворных тенденций.

Уже ближайшие месяцы покажут, кто из наших избранников оправдывает оказанное ему доверие, кто в день следующих выборов будет достоин получить достаточное количество голосов, чтобы вновь войти в очередной состав бюро секции поэтов.

ГУГО ГУППЕРТ

Генрих Манн и народный фронт

В середине апреля текущего года в Париже состоялась расширенная конференция «Комитета по созданию германского народного фронта». Комитет этот был создан 2 февраля 1936 г.; более ста представителей различных антифашистских групп из «Третьей империи» и эмиграции решили об'единиться для борьбы против фашистского мракобесия. Инициатива исходила от активного ядра пролетарского движения единого фронта.

Председателем комитета народного фронта единодушно был выбран Генрих Манн.

Исключительный авторитет Г. Манна как мыслителя и борца-демократа непрерывно растет не только в эмиграции, но и в Германии среди передовой массы народа, порабощенного фашизмом. Расширенная апрельская конференция, которая подвела итог 14-месячной деятельности комитета народного фронта, проходила под председательством этого великого писателя.

В течение многих месяцев Генрих Манн отдавал народному фронту значительную часть своей энергии и поразительной работоспособности. Сборник его памфлетов «День придет» — это не только прекрасный образец политической публицистики, но и замечательный исторический документ, созданный гуманистом, не знающим компромиссов в борьбе против фашизма, войны и варварства.

В предыдущем своем публицистическом сборнике («Ненависть», 1933-34) Генрих Манн еще был склонен расценивать захват власти фашизмом в Германии как рецидив средневековья и массового психоза.

Но писатель очень скоро увидел и понял классовый характер фашизма, этой террористической диктатуры реакционнейших элементов финансового капитала. Он понял, что германский фашизм — циничный, жестокий и агрессивный — выступает «как ударный кулак международной контрреволюции, как главный поджигатель империалистической войны, как зачинщик крестового похода против Советского Союза, великого отечества трудящихся всего мира» (Димитров).

В своей книге «День придет» Генрих Манн выяснил для себя и своих читателей, что шовинизм, варварство, мистика и иррационализм, насаждаемые фашизмом, только мнимо означают «рецидив» средневековья, что под дикой, грубой шкурой «тевтонизма» скрывается современнейшая, утонченная технически и пропагандистски подготовка германского империализма к войне.

В этой замечательной книге (которую Генрих Манн называет «Германской хрестоматией») все симпатии и надежды писателя обращены на социалистический гуманизм, на социалистическую революцию. О героях подпольной компартии Германии Г. Манн говорит как о подлинных героях всего германского народа. С неподдельным уважением относится он к революционным рабочим, заключенным в тюрьмах, концлагерях, отдающим жизнь на эшафоте за будущее своей родины.

Генрих Манн в своей статье «Путь германского рабочего» (написанной специально для журнала «Интернациональная литература» (Дейче Блеттер») дает перспективный обзор прошлого и будущего пути германского пролетариата.

Генрих Манн неуклонно идет в авангарде антифашистских борцов. Его боевые статьи систематически печатаются в пражском журнале германской эмиграции «Ди нейе Вельтбюне». Почти еженедельно читаем мы его острые, неподкупные памфлеты, его пламенные воззвания.

В каждой строчке писателя заложена заражающая и увлекательная сила подлинной принципиальной убежденности. В этом секрет художественной силы публицистического слова Генриха Манна.

Его статья «Время пришло», написанная в январе, станет историческим манифестом против германской интервенции в Испании.

Генрих Манн призывает народ к сопротивлению против подлой фашистской авантюры: «Германцы, положите конец, восстаньте, время пришло! Поймите это, спасите Германию!..».

В начале апреля, в статье «Испанские уроки» (написанной после первых поражений интервентов на мадридском фронте) он пишет: «Испания учит, что борьба за свободу возвышает и облагораживает...

Итальянцев побили, германские самолеты последней конструкции терпят поражение в каждом бою, германские танки называются передвижными гробами. Все это вполне соответствует продажному и гнусному режиму, который не может иметь надежных солдат. Борьба за свободу укрепляет стойкость бойца, — свобода самая упрямая мысль человечества. Солдаты, вынужденные бороться против свободы, всегда и везде будут убегать».

Глубокая симпатия Генриха Манна к освободительной войне испанского народа это не просто дело чувств и настроений.

«Испания учит, — говорит он, — она показывает пример Европе».

Генрих Манн — искуснейший, тончайший фехтовальщик. Каждый его удар попадает в цель.

Неистощимый художник, темпераментный и неутомимый, он сохранил юношеское чувство времени.

Его взгляд всегда охватывает настоящее в целом, он реагирует на все и можно только удивляться, как быстро он это делает.

Его мысли у Бильбао, на фронте Гвадалахары, они направлены к стране Советов и к Тельману, заключенному в Моабитской тюрьме. Его действия и слова всегда призывают к борьбе: за народный фронт, за демократию против фашизма.

5 мая в Колонном зале Дома союзов (Москва) состоялось общегородское собрание работников печати и рабкоров, посвященное Дню печати и двадцатипятилетию «Правды». **На снимке** (справа налево): секретарь МК и МГК ВКП(б) **Н. С. Хрущев, Михаил Кольцов,** председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **М. И. Калинин** и секретарь Московского комитета ВКП(б) **А. Н. Богомолов** в президиуме собрания.

Фото О. Лоскутова и Б. Фишмана (Союзфото).

В. ФИНК

Рассказ Тихона Семушкина

«МОЯ ЧУКОТКА»

В X книге альманаха «Год XIX» напечатана работа Тихона Семушкина «Моя Чукотка».

Автор провел семь лет на Чукотке. Он был счетоводом в фактории, учителем, статистиком, заведывал культбазой. В прошлом году приезжал в Москву. Он рассказывал нам, его друзьям, о том, что видел в своей далекой тундре. Мы настойчиво приставали к нему с требованием все это написать. Семушкин не решался. В конце концов — вероятно, чтобы отделаться, — написал, оставил мне рукопись и уехал назад на Чукотку.

Рассказ Семушкина о живых людях, о детской жадности отсталого народа к восприятию культуры, о замечательной теплоте нашей революции невозможно читать без захватывающего интереса.

«Первый с'езд советов собрался здесь в 1927 г., — рассказывает Т. Семушкин. — Все делегаты были неграмотные. Самые дальние проехали 1200 километров на собаках. Ехать нужно было больше пятидесяти дней и, самое главное, не ошибиться, — не приехать, когда с'езд кончится. Делегатов предупредили за год. Календаря или подобия его у чукчей нет. Нужно было продумать, как отметить день, в который нужно собраться на с'езд в Уэллене. Чукчам можно было сказать лишь через сколько дней это будет. Чтобы не пропустить с'езд, делегаты нарезали зарубки на палках. Когда набиралось тридцать таких зарубок, они брали другую палку. Когда палок было девять и на десятой имелось двадцать зарубок, делегат знал уже, что завтра надо ехать на «праздник говоренья», как чукчи называют с'езд. Делегаты приехали все, как один. Впервые мчали собаки своих хозяев по такому важному делу: обсуждать и самим строить жизнь».

Трудно сразу определить, в чем главная сущность интереса работы Т. Семушкина, что волнует больше всего. Быть может это — ясный показ того, как пульс нашей жизни бьется и в далекой тундре Чукотки, как ранее темный народ, который царское правительство принудительно держало в диком состоянии, как бы впервые родился к настоящей жизни и дышит одним дыханием с нами. От этого как бы еще шире становится наше собственное дыхание.

Семушкин рассказывает о первых шагах советской культуры на Чукотке. В 1928—29 гг. он заведывал кульбазой. Решено было набрать детей из чукотских стойбищ и устроить для них интернат при школе.

Это были совсем «сырые» дети. «Им, — говорит автор, — пришлось показывать, как садиться на скамейки, как пользоваться кроватью, подушкой, одеялом. Утром, проходя с первым обходом по спальням, можно было наблюдать следующие картины: лежит какой-нибудь карапуз, положив ноги на подушку и свесив голову на кровать; другой спит, стоя у кровати на коленях и опустив на нее голову. Подушка «спит отдельно», одеяло тоже. Встал вопрос об обучении детей сну».

Но прошло очень короткое время, и чукотские дети «научились» не только спать, но и управлять кинопередвижкой и даже играть в шахматы.

Большое недоверие вызвала больница:

«Чтобы получить на излечение ребенка, надо было брать в больницу его, мать, отца и всю семью. Больница имела вид оригинальный. Вероятно, на всем земном шаре это был своего рода уникум: в одной палате лежит больной мальчик, а в других палатах табором расположилась вся его семья, совершенно здоровая. Но так как чукчанка не мыслит своего существования без дела, то палата завалена оленьими и тюленьими шкурами, жильными нитками и т. п. Чукчанка сидит на полу, по обыкновению полуголая, и кроит ножом. На шкурах катаются ребятишки, а на кровати сидит благоверный супруг...»

Семушкин рассказывает, что чукчи очень чадолюбивы и неохотно и с недоверием отпускали детей не только в больницу, но даже и в интернат.

«Не проходило ни одного дня, чтобы в классе во время занятий не присутствовал кто-либо из приезжих родителей. И тогда класс представлял следующую картину: в просторном помещении стоят чистенькие столики, за ними сидит десятка полтора раскосых, остриженных и одетых в школьные блузки чукотских детишек. Среди детишек учительница. А на полу, в проходах, в углах сидят в меховых одеждах отцы и матери. Они видят, что маленькие понимают в об'яснениях учительницы нечто такое, чего не могут понять они, взрослые охотники, убившие на своем веку немалое количество тюленей, песцов, моржей и белых медведей. Чукотский народ учился «разговаривать на бумажке» и успешно преодолевал эту премудрость».

Чукчи весьма любознательны, одарены от природы, и толчок, данный советской школой, привел в движение всю тундру.

«Уже первая очередь учеников унесла с собой из школы большую культурную нагрузку. В школе ребята настолько привыкли к необычному для чукчей умыванию и ношению белья, что не хотели с этим расстаться и в яранге. В яранге начали появляться умывальники, стала прививаться даже стирка белья.

В долгие вечера ученики сидели с книжкой, а вокруг них — взрослые, ставшие их учениками.

Чукотский народ приступил к освоению грамоты. И теперь в культбазовских делах уже не видно росписи в виде дактилоскопического отпечатка большого пальца левой руки, а значится настоящая, изображенная литерами подпись».

«Когда на следующий год явились новички, мы, к своему удивлению, убедились в том, что они превосходно читали, не обучаясь в школе. Наши школьники оказались лучшими учителями, чем мы. Они нашли лучший метод преподавания».

«Моя Чукотка» читается с одинаковым интересом и взрослыми, и школьниками, и малыми детьми: очень уж материал интересный, да и написана вещь с безыскусственной теплотой, секрет которой, увы, утрачен многими нашими профессиональными писателями.

Трудно причислить это произведение к определенному литературному жанру.

Повесть? Нет, это не повесть: здесь нет сюжетного действия в литературном смысле этого слова, нет так называемых ведущих героев; нет художественного вымысла, да, повидимому, и вообще вымысла нет. Тогда — очерк? Нет, это и не то, что принято называть очерком. К сожалению, прекрасный жанр литературного очерка погребен у нас под таким громадным наслоением поверхностной писанины и тусклой безвкусицы, что термин сделался почти компрометирующим. Неумелые моментальные фотографии, желтеющие через три дня, холодная строкогонная скороспелка, сухой и подчас неточный репортаж, бракованная беллетристика, — все, что не пускают в литературу, идет за очерк. Многим неловко от этого. Чтобы сгладить неловкое чувство, придуман термин «очеркишко». Им пользуются, когда речь идет о такой стряпне, что ее, мол, и очерком совестно назвать.

А если посмотреть поближе, то «очеркишко» очень часто вытесняет очерк.

Боевой, интересный, проникнутый страстью борьбы, согретый внутренней теплотой, познавательный и правдивый литературный рассказ о нашей стране, о ее природе, о ее людях встречается редко. Писатели пишут у себя в кабинетах, пишут «из головы». В жизнь они заглядывают, как в словарь, — для справки. Заглянули и захлопнули. Произведения получаются ложные и претенциозные.

Повествование Т. Семушкина подкупает своей теплой правдивостью и безыскусственностью, которых не встретишь у многих наших писателей.

ВАЖНЕЙШИЙ ДОКУМЕНТ

Недавно закончившийся пленум ЦК ВКП(б) особо подчеркнул необходимость овладения большевизмом. В своем докладе на последнем пленуме ЦК товарищ Сталин выдвинул новый лозунг. Он сказал о том, что лозунг овладения техникой необходимо дополнить лозунгом овладения большевизмом.

Без большевистского, подлинно научного изучения истории партии, без овладения всей сокровищницей марксизма-ленинизма нельзя стать коммунистом, ведущим за собой в новых условиях массы строителей социалистического общества.

Центральный комитет партии и товарищ Сталин вопросам истории большевистской партии уделяли и уделяют большое внимание. В 1931 году в историческом письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» товарищ Сталин с гениальной прозорливостью разоблачил троцкистских контрабандистов, извращающих в контрреволюционных целях историю партии. Товарищ Сталин мобилизовал партию на борьбу с гнилыми либералами и поставил задачу поднять вопросы изучения истории партии на должную высоту, поставить дело изучения истории партии на большевистские научные рельсы.

Выполнена ли эта задача, поставленная товарищем Сталиным шесть лет назад? Далеко не выполнена.

В вышедшем недавно девятом номере журнала «Большевик» опубликовано письмо товарища Сталина «Об учебнике истории ВКП(б)». Письмо это представляет собою важнейший документ, поднимающий на новую, высокую ступень вопросы изучения истории большевистской партии. В письме товарища Сталина указаны пути к ликвидации недостатков, имеющихся в существующих учебниках по истории партии. Устранение этих недостатков поможет углубить изучение прошлого нашей партии, так необходимое, особенно сейчас, каждому коммунисту, каждому трудящемуся нашей страны.

«Я думаю, — пишет товарищ Сталин, — что наши учебники по истории ВКП(б) неудовлетворительны по трем главным причинам. Неудовлетворительны либо потому, что они излагают историю ВКП(б) вне связи с историей страны; либо потому, что ограничиваются рассказом, простым описанием событий и фактов борьбы течений, не давая необходимого марксистского об'яснения; либо же потому, что страдают неправильностью конструкции, неправильностью периодизации событий.

Чтобы избавиться от таких недостатков авторы должны учесть ряд соображений.

Нужно, во-первых, предпослать каждой главе (или разделу) учебника краткую историческую справку об экономическом и политическом положении страны. Без этого история ВКП(б) будет выглядеть не как история, а как легкий и непонятный рассказ о делах минувших.

Нужно, во-вторых, не только излагать факты, демонстрирующие обилие течений и фракций в партии и в рабочем классе в период капитализма в СССР, но и дать марксистское об'яснение этим фактам, указав а) на наличие в дореволюционной России как новых, современных с точки зрения капитализма, классов, так и старых, докапиталистических классов, б) на мелкобуржуазный характер страны, в) на разнородный состав рабочего класса, — как на условия, благоприятствовавшие существованию множества течений и фракций в партии и в рабочем классе. Без этого обилие фракций и течений остается непонятным.

Нужно, в-третьих, не только излагать в тоне простого рассказа факты ожесточенной борьбы течений и фракций, но и дать марксистское об'яснение этим фактам, указав, что борьба большевиков с антибольшевистскими течениями и фракциями была принципиальной борьбой за ленинизм, что в условиях капитализма и вообще в условиях наличия антагонистических классов внутрипартийные противоречия и разногласия являются неизбежностью, что развитие и укрепление пролетарских партий при указанных условиях может происходить лишь в порядке преодоления этих противоречий, что без принципиальной борьбы с антиленинскими течениями и группами, без их преодоления, наша партия неминуемо переродилась бы, как переродились соц.-дем. партии II-го Интернационала, не приемлющие такой борьбы. Можно было бы при этом использовать известное письмо Энгельса Бернштейну в 1882 году, приведенное в первой главе моего доклада VII-му расширенному Пленуму ИККИ «О соц.-дем. уклоне» в ВКП(б), и мои комментарии к нему. Без таких раз'яснений борьба фракций и течений в истории ВКП(б) будет выглядеть, как непонятная склока, а большевики, — как неисправимые и неугомонные склочники и драчуны».

Письмо товарища Сталина имеет большое значение не только для широких партийных кругов, но и для всех трудящихся. Мимо этого документа не могут пройти и писатели, так как задача овладения большевизмом со всей остротой стоит и перед ними. Многие советские писатели работают над исторической тематикой. Без учета указаний товарища Сталина не может быть создано настоящее историческое советское произведение. Нельзя изобразить цепь исторических фактов вне связи со всей историей борьбы рабочего класса, вне их связи с историей развития страны. Много ли писателей подходило к своей работе подобным образом? Только некоторые советские исторические романы, такие, как «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Последний из Удэге» А. Фадеева, берут исторические события в связи с историей борьбы рабочего класса, с историей страны. Такие книги у нас пока еще редки.

В учебниках по истории партии существует произвольная периодизация. Учебник Попова делится на 16 глав или периодов. Учебник Кнорина делится также на 16 глав, но эти главы не совпадают с периодами в учебнике Попова. Учебник Ярославского состоит из 20 с лишним глав. Между тем вопрос периодизации в истории партии, как и истории страны, имеет не только методологическое значение. Вопрос периодизации — это, прежде всего, вопрос о правильном понимании исторической связи отдельных исторических событий, вопрос о понимании единства и закономерности развития различных исторических этапов. Товарищ Сталин, чтобы устранить разнобой, существующий в наших учебниках по истории партии, дает правильную периодизацию:

СХЕМА

I

Борьба за создание марксистской соц.-демок. партии в России.

(От образования Плехановской «Группы освобождения труда» — 1883 г. до появления первых номеров «Искры» — 1900—1901 гг.).

II

Образование Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии и появление внутри партии фракций большевиков и меньшевиков.

(1901—1904 г.г.)

III

Меньшевики и большевики в период русско-японской войны и первой русской революции.

(1904—1907 г.г.)

IV

Меньшевики и большевики в период Столыпинской реакции и оформление большевиков в самостоятельную Соц.-Дем. Раб. Партию.

(1908—1912 г.г.)

V

Партия большевиков в годы под'ема рабочего движения перед первой империалистической войной.

(1912—1914 г.г.)

VI

Партия большевиков в период империалистической войны и второй русской февральской революции.

(1914 — март 1917 г.г.)

VII

Партия большевиков в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции.

(апрель 1917—1918 г.г.)

VIII

Партия большевиков в период гражданской войны.

(1918—1920 г.г.)

IX

Партия большевиков в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства.

(1921—1925 г.г.)

X

Партия большевиков в борьбе за социалистическую индустриализацию страны.

(1926—1929 г.г.)

XI

Партия большевиков в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства.

(1930—1934 г.г.)

XII

Партия большевиков в борьбе за завершение строительства социалистического общества и проведение новой Конституции.

(1935—1937 г.г.)

Как видим, периодизация истории партии, предложенная товарищем Сталиным, дает совершенно четкую характеристику каждого этапа в борьбе партии за пролетарскую революцию и в борьбе за построение социалистического общества. Каждая намеченная здесь глава будущего учебника дает прямую связь истории партии с историей жизни страны.

Письмо товарища Сталина, знаменующее собой новый этап в овладении большевизмом, должно стать предметом самого пристального изучения со стороны советских писателей. Периодизация, предложенная товарищем Сталиным, дает возможность писателю, работающему над тем или иным периодом жизни нашей страны, понять основное, существенное в интересующем писателя отрезке времени, в тех или иных исторических событиях.

Французская книга о советской Сибири

Во французском издательстве Пайо вышла книга Шарля Стебера «Сибирь и советский Крайний Север».

«Шарль Стебер, — пишет об этой книге Жорж Фридман в апрельском номере журнала «Коммюн», — пробыл два года в Советском Союзе, из них восемь месяцев в Сибири, где совершил путешествие через Алтайские горы к границам Монголии. Он — первый француз, изучивший развитие «полярной агрикультуры» на Кольском полуострове, он первый может с полным знанием говорить о Биробиджане.

Шарль Стебер дает в своей книге замечательно документированное описание Сибири, ее ресурсов и ее населения. Прекрасный наблюдатель, обладающий научными познаниями, Ш. Стебер ведет читателя по Дальнему Востоку, по Якутии, по Восточной и Западной Сибири — по областям, мало посещаемым путешественниками.

Куда бы автор ни приводил нас, всюду мы видим поражающее культурное строительство, устройство путей сообщения, оборудование речного, воздушного, морского транспорта, организацию лечебной помощи населению и школ.

В главах, относящихся к Крайнему Северу, сообщены сведения, неизвестные до сих пор французской публике. Институт для изучения Севера, руководимый проф. Самойловичем, одним из героев «Красина», начиная с 1920 г., непрестанно развивает свою работу.

Благодаря арктическим экспедициям, гидрографическим работам, мужеству водителей ледоколов и летчиков Великий Северный путь открыт, и это ускорит разработку и освоение скованных льдом пространств. Без авиации и радио все эти материальные и культурные достижения последнего десятилетия были бы невозможны.

Сорок лет тому назад Жюль Легра, получивший впоследствии кафедру в Сорбонне, после двух длительных путешествий написал замечательный труд, до сих пор являющийся одним из лучших документов о царской Сибири. (Жюль Легра — «В Сибири». Изд. Арман Коллэн, 1899 г.). Несмотря на сдержанные, осторожные показания очевидца, книга дает представление о варварстве, извращенной жестокости царского режима, о грубости и невежестве «цивилизаторов».

Книга Шарля Стебера, волнующая своей правдивостью и простотой, позволяет измерить пройденный путь и судить с документами в руках о том, что создано советской властью в Сибири.

Строительство там еще далеко не закончено, но то, что уже сделано, совершенно изумительно.

На собрании партгруппы Ленинградского отделения союза писателей

Тов. Юдин в своем докладе на собрании партгруппы ленинградского отделения ССП произвел тщательный анализ авербаховщины — этой троцкистской диверсии в литературе.

Подробно ознакомив собравшихся с вредной и омерзительной деятельностью Киршона и его друзей — Афиногенова, Бруно Ясенского, Корабельникова, воздав должное этой братии, т. Юдин предостерег от вредной тенденции валить всех бывших рапповцев в одну кучу. Нельзя, например, ставить на одну доску имевшего ошибки, но не ведшего антипартийной работы Бела Иллеша и Бруно Ясенского, в партийности которого есть все основания сомневаться.

После информации т. Юдина первым выступил в прениях М. Чумандрин, в прошлом яростный рапповец и один из вождей ЛАПП.

Уже после постановления ЦК ВКП(б) о ликвидации РАПП Чумандрин около полугода вел борьбу против реализации решения ЦК.

Как редактор газеты «Наступление», Чумандрин боролся с комсомольской печатью. Много грехов на совести Чумандрина по его прошлой деятельности.

Партгруппа вправе была ожидать, что Чумандрин даст развернутую критику всех своих ошибок, что он поможет делу борьбы с авербаховцами, вскроет те методы, с помощью которых осуществлялась троцкистско-авербаховская диверсия в литературе.

Ничего этого Чумандрин не сказал, — он не дал политической оценки авербаховщине.

Невнятное и тусклое выступление Чумандрина не удовлетворило собрание.

Во втором своем выступлении Чумандрин всю энергию направил на возражения против статьи А. Волкова и Б. Мейлаха («Смена» от 6/V—37 г.), выступивших с резкой критикой Чумандрина и призывавших ленинградское отделение союза писателей к развертыванию «настоящей, большевистской самокритики, способной выкорчевать без остатка корни авербаховщины».

Газета «Смена» дала совершенно правильную оценку прошлой деятельности Чумандрина, но следовало ли упрекать его в том, что он и сегодня является «авербаховским соратником»? Ряд выступавших считает, что этот вопрос нельзя решить без детального обследования всей деятельности Чумандрина. Члены партгруппы подвергли суровой критике прошлую литературную и политическую деятельность Чумандрина.

О. Цехновицер заявил, что он не верит в полный разрыв Чумандрина с Авербахом и считает, что Чумандрин и на сегодняшний день остался авербаховцем.

«Книги Чумандрина «Бывший герой», «Родня» и «Склока» насквозь фальшивые, клеветнические книги, в которых протаскиваются троцкистские идейки о перерождении партии.

Из выступлений ряда писателей (Решетов, Цехновицер, Мирошниченко, Свирин, Плоткин, Прокофьев, Журба и др.) выяснилось, что и Ленинград был ареной яростной борьбы троцкистов-авербаховцев против линии партии.

Выступавшие товарищи предлагали разобраться до конца во всем, что написано ныне разоблаченными врагами народа Гореловым, Майзелем, Бескиной и др., а также подвергнуть тщательному анализу прежние работы критика Берковского и пересмотреть сомнительное творчество критика Н. Коварского.

На собрании вспомнили «по-гимназически влюбленного» в Авербаха критика Л. Левина, который был связан дружбой с Авербахом до февраля 1937 г. Были внесены предложения проверить, в чьих руках находится ответственнейшая работа по созданию «Истории фабрик и заводов».

Много внимания было уделено ошибкам Добина, большинство которых происходило в результате содружества Добина с Авербахом на протяжении нескольких лет. Особо отмечалось, что Добин позже других порвал с Авербахом.

В свете весьма неприглядном предстала перед партгруппой Ольга Берггольц.

К ответственному и важнейшему делу разоблачения врагов народа Ольга Берггольц подошла с развязной легкостью. Она лепетала нечто маловразумительное о том, что ее «связь с Авербахом была только лишь личной связью» и что вообще «личная связь с Авербахом не может порочить ее имени, как партийца».

Это циничное заявление возмутило собрание, которое ждало от Берггольц честного рассказа о том, какими методами осуществлял Авербах свою борьбу против линии партии. Когда по требованию собрания Берггольц вынуждена была выступить вторично, то ее «откровения» вызвали новое возмущение. Она даже не пыталась дать политическую оценку авербаховщине; и на этот раз она не сказала ни слова о механике предательской работы Авербаха и методах его подрывной работы.

Когда собрание категорически предложило рассказать об ошибках Добина, с которым Берггольц работала рука об руку в пресловутой газете «Литературный Ленинград», и об ошибках этой газеты, то Берггольц неожиданно «вспомнила» такие, по мнению самой Берггольц, «мелочи», умалчивание о которых заставило партгруппу немедленно же, независимо от всего прочего, поставить вопрос о партийности О. Берггольц.

Партгруппа выбрала специальную комиссию для обследования творческой и политической деятельности Чумандрина. Создана также комиссия по выработке решения партгруппы.

П. РОМОВ

Творческая встреча

В Ленинград приехала из Киева группа украинских поэтов: М. Бажан, М. Рыльский, И. Кулик, С. Голованивский, М. Терещенко, А. Малышко и И. Муратов.

Первый вечер украинской поэзии состоялся в Доме писателя им. Маяковского.

Украинских гостей приветствовал от имени писателей Ленинграда Ник. Тихонов, говоривший о дружбе поэтов, о «дружбе сердец и умов». В докладе Н. Брауна были затронуты вопросы создания антологии украинской поэзии, инициаторами которой являются ленинградцы и работа над которой ведется при непосредственной помощи украинского союза писателей.

В ответном слове И. Кулик указал на огромное значение творческих встреч поэтов братских республик, укрепляющих интернациональное единство писателей социалистической страны.

Украинские буржуазные националисты, блокируясь с троцкистскими агентами в литературе — авербаховской бандой, пытались ослабить это единство. Эти жалкие попытки были разбиты мощью большевистской партии. Советские писатели, борясь с врагами народа, еще теснее сплотились вокруг партии большевиков, вокруг нашего любимого вождя и друга товарища Сталина.

На вечере с чтением стихов выступили поэты Украины и ленинградские поэты А. Прокофьев, Н. Браун, М. Комиссарова и др.

Вечера украинской поэзии будут проведены в ленинградских клубах и домах культуры. Кроме того в Ленинграде состоятся ряд деловых совещаний поэтов, связанных с работой над антологией.

Б. РЕСТ.

ЛЕНИНГРАД. (По телефону).

Смотр театральных постановок пьес А. М. Горького

Всесоюзный комитет по делам искусств организует в Москве смотр театральных постановок пьес А. М. Горького, который приурочен к годовщине со дня смерти величайшего писателя современности.

Смотр откроется 11 июня и продлится до 1 июля. В день открытия смотра Московский ордена Ленина Художественный Академический театр Союза ССР им. Горького покажет спектакль «Враги». Государственный театр им. Вахтангова даст во время смотра спектакль «Егор Булычев и другие», Центральный театр Красной армии — «Васса Железнова».

Для участия в смотре в Москву приглашены драматические театры из Горького, Архангельска, Куйбышева и Иванова. В репертуаре, который ими покажут в Москве, постановки — «Мещане», «Зыковы», «Последние», «Дачники», «Васса Железнова» и «Варвары».

Спектакли театров столицы будут итти на своих сценах, а спектакли периферийных театров на сцене Центрального Детского театра.

К смотру в московском Доме актера организуется выставка, которая отразит работу советских театров над драматургическими произведениями Горького.

Параллельно со смотром будет итти конференция творческих работников, посвященная драматургии Горького. В конференции, организуемой Всесоюзным комитетом по делам искусств и Всероссийским театральным обществом, примут участие творческие работники Москвы и периферии.

В секретариате Правления ССП

Вчера на заседании расширенного секретариата Правления ССП был обсужден вопрос о писателе И. Шухове. Вопрос был поднят т. В. Ставским в связи с появившимся в «Комсомольской правде» письмом, из которого явствует, что Шухов вконец разложился и позорит звание советского писателя и кандидата в члены ВКП(б).

Секретариат постановил произвести детальное обследование всех изложенных в «Комсомольской правде» фактов и принять затем соответствующее решение. Единодушно принято также предложение т. В. Ставского о созыве в ближайшем времени специального собрания московских писателей, на котором вопрос о литературных нравах должен быть обсужден в более широком плане.

С очередным сообщением о работе по организации архива и музея им. А. М. Горького выступил на секретариате т. И. Луппол.

О подготовке журналов и издательств к двадцатилетию Великой Пролетарской революции информировали т.т. С. Рейзин («Знамя»), И. Гронский («Новый мир»), Лазарь (изд. «Советский писатель») и др.

Подробный отчет о заседании секретариата будет дан в следующем номере «Литературной газеты».

«Авербаховщина» в Ленинграде

На собрании ленинградских драматургов

От нашего корреспондента

1-Й и 2-Й ДЕНЬ

Уже сейчас ясно, что гнилые корешки авербаховщины и его ставленников в драматургии — Киршона и Афиногенова — тянутся и к участку ленинградской драматургии.

Сергей Семенов напомнил в своем вступительном слове о том, что ряд ленинградских сподвижников Авербаха принимал активное участие в создании пресловутой «театральной платформы РАПП», в которой уничтожались и клеймились позором лучшие советские театры, превозносились пьесы Киршона и Афиногенова и опорочивались драматурги, не входившие в авербаховскую группку.

Именно в Ленинграде был создан единственный, первый и последний, театр, призванный воплотить в жизнь вреднейшие установки этого ублюдочного документа (театр ЛАПП). Ленинградские театры и театральные журналы зачастую становились ареной для деятельности авербаховцев.

Некоторые руководители ленинградских театров, как указывает С. Семенов, заранее вставляли в репертуарный план не написанные еще пьесы Киршона и Афиногенова, игнорируя предлагаемые им пьесы других драматургов.

С интересом ожидало собрание отчетного доклада А. Штейна, который являлся в свое время руководителем Всероскомдрама (до слияния его с союзом писателей), возглавлял драмсекцию лен. ССП в 1936 году и оставил свой пост, забыв отчитаться перед общественностью.

А. Штейн говорил о подрывной работе в драмсекции троцкиста Адамовича, контрреволюционера Перелешина и ныне разоблаченного Г. Белицкого. Он говорил о Киршоне и Афиногенове, рассказывая, как эти «полпреды» Авербаха в драматургии противодействовали всему, что выходило за рамки их групповых замыслов. Но голос Штейна, только что звучавший металлом, переходил на шопот, когда ему приходилось касаться его собственной деятельности.

— После постановления ЦК партии от 23 апреля 1932 года, — говорит Штейн, — в течение 2—3 месяцев я не понимал значения решения партии о ликвидации РАПП.

Между тем значительно позднее, примерно через ½ года после ликвидации РАПП, «Литературная газета» в статье «Хранители старых традиций» должна была заявить о руководимом А. Штейном Всероскомдраме следующее:

«Если раньше Всероскомдрам напоминал зеркало, отражающее методы рапповского руководства, то сейчас он оказался каким-то фильмом, запечатлевшим эти осужденные методы и продолжающим воспроизводить их до сих пор в идейно-воспитательной и творческой работе ленинградских драматургов». («Л. Г.» № 44 за 1932 год).

К сожалению, т. Штейн не рассказал достаточно подробно об этом затянувшемся периоде его работы, связанной, конечно же, с борьбой Авербаха против решения ЦК.

С отчетным докладом о работе бюро секции за последний период выступил В. Голичников.

Он заявляет, что секция до сих пор плохо выполняла основную свою задачу — не помогала работе драматургов в деле создания полноценных произведений к XX годовщине Октября.

Вообще говоря, роль секции в определении репертуара ленинградских театров ничтожна, и этим, как и слабой репертуарной работой Комитета по делам искусств, можно об'яснить, что в ленинградских театрах в течение сезона 1936—37 года современный репертуар был представлен такими пьесами, как «Большой день» Киршона, «Салют, Испания» Афиногенова, приспособленчески-спекулятивной пьесой А. Винера о Щорсе, клеветническим «Умка, белый медведь» Сельвинского и др.

Выступивший на собрании директор Ленинградского управления по охране авторских прав т. Хесин привел факты отвратительного разбазаривания огромных сумм, которое проводилось в Москве с легкой руки Киршона и его ставленника Лернера. В частности Киршон и Лернер противодействовали начатой в Ленинграде ликвидации обезличенного эстрадного котла, из которого, как известно, черпали себе львиную долю киршоновские прихлебатели, препятствовали работе по экспертизе оперных и опереточных либретто, выявившей многих «жучков», и т. д.

Уже начало прений по докладам дало разнообразный материал, характеризующий прорывы и в деятельности секции и в работе ленинградских театров и киностудий.

Любопытные данные о драматургической консультации огласил С. Рубен. Если в свое время начинающим драматургам давала отзывы сама... управделами тов. Росина, то и сейчас квалификация ряда консультантов не намного выше.

Вредительскую «консультативную» работу с молодыми авторами проводил и контрреволюционер Перелешин, а Белицкий оставался консультантом до самых последних дней, уже после того, как его политическое лицо стало всем хорошо известно.

О том, как беспринципно относились руководители художественных организаций к продукции Киршона, свидетельствуют слова заместителя начальника Лен. упр. по делам искусств Н. Гринфельда, о которых сообщил С. Рубен. Когда Н. Гринфельда после премьеры «Большого дня» спросили об его отношении к этой пьесе, он ответил:

— Лично мне пьеса не нравится, официально — нравится (!).

Но надо сказать, что не все выступления стояли на достаточном уровне принципиальности и нередко в них просачивались мотивы личного порядка, ущемленного самолюбия и старых обид. Такой нехороший оттенок имело, в частности, выступление Г. Матвеева.

Совершенно прав выступивший на собрании с интересной речью Николай Погодин, призывавший драматургов к большей принципиальности к отпору тем, кто пытается «под шумок» протащить свои плохие пьесы.

— Неверно думать, что плохая пьеса станет хорошей только от того, что разоблачен Киршон. То, что было плохо написано при Киршоне, будет выглядеть еще хуже теперь, когда драматургией станут руководить лучшие художники, лучшие мастера.

В связи с этими уместными замечаниями следует остановиться на выступлении киносценариста Липатова, в котором содержались заслуживающие внимания материалы, свидетельствующие об очень серьезном положении в киностудии Ленфильм, заниженных производственных планах, сорванных постановках и т. д. Но это выступление изобиловало и попытками свести личные счеты, а также политически недопустимыми обобщениями и формулировками.

Липатов забыл, что советская кинематография, несмотря на многие ошибки и крупные срывы, является самой передовой в мире, что «Чапаев», «Депутат Балтики», «Юность Максима», «Возвращение Максима» и многие другие прекрасные фильмы созданы в Ленинграде и что советский фильм «Мы из Кронштадта» вдохновлял героев испанского народа.

Это не значит, конечно, что есть какие бы то ни было основания для самоуспокоенности и почивания на лаврах.

Творческая работа кинематографистов нуждается в очень серьезной, но об'ективной критике. Необходимость в проверке всей системы работы на фабрике особенно неотложна сейчас, когда в киностудии вскрыта работа вредителей. Мы вправе требовать и большевистской самокритики от художественного руководства ленинградской киностудии, в деятельности которого также вскрыто множество безобразий, тормозивших создание новых кинопроизведений.

Но речь А. Пиотровского, выступившего по вызову собрания, не отвечала этим требованиям. А. Пиотровский говорил очень много о своих заслугах и очень мало о своих ошибках. Стиль подобных выступлений становится у нас, к счастью, все более и более редким.

На собрании выступил с большой речью представитель Комитета по делам искусств тов. Чичеров. Часть доклада тов. Чичерова, посвященная перспективам возглавляемого им репертуарного отдела, содержала ряд дискуссионных моментов.

3-Й ДЕНЬ

Третий день собрания ленинградских драматургов прошел более оживленно и содержательно. Было уже меньше того, что драматург Д. Щеглов назвал в своем выступлении «вибрацией мыслей только о себе» и «мелодикой сведения личных счетов».

Ряд драматургов и критиков показал на конкретных примерах, какое разлагающее влияние оказывали авербаховские методы «руководства» на творческую работу драматургов и театров.

Когда пьеса Киршона «Хлеб» была расценена ленинградскими театрами, как антихудожественная, начальник Главреперткома О. Литовский лично прибыл в Ленинград, произвел соответствующий нажим на театр и заявил, что пьеса эта якобы «отражает генеральную линию партии по работе в деревне».

Ленинградский «полпред» Литовского В. Рафалович во всей своей работе и статейках также апологизировал творчество Афиногенова.

Не ограничиваясь этой подготовительной работой, Афиногенов на премьеру «Страха» привез с собой в Ленинград чуть ли не целый вагон «своих критиков».

Но киршоно-афиногеновская группа не ограничивалась самовозвеличиванием. Она не останавливалась ни перед какими методами, чтобы помешать постановке пьес других, неугодных ей авторов...

В этих целях она не брезговала и прямым шантажом.

Так, например, когда Афиногенов, узнал о готовящейся в одном из московских театров постановке пьесы Д. Щеглова, он пред'явил художественному руководству театра требование немедленно снять пьесу. В противном случае он грозил появлением разгромной статьи «одного ответственного товарища».

Действительно, эта разгромная статья вскоре появилась. «Один ответственный товарищ» оказался... личным секретарем Афиногенова, неким Талановым.

Эти позорные методы нетерпимой беспринципной групповщины и заушательства нашли себе немалое место и в ленинградской драмсекции. Тот же Д. Щеглов привел ряд разительных документов, показывающих, как шельмовались люди, «смевшие свое суждение иметь».

Даже выступления против пресловутой «театральной платформы РАПП» об'являлись чуть ли не антисоветскими. Подобный ярлык был в свое время приклеен долголетним руководителем Всероскомдрама А. Штейном и Д. Щеглову, осмелившемуся критиковать пьесы Афиногенова и Либединского.

Эта же групповая нетерпимость продолжалась и после постановления ЦК ВКП(б) о ликвидации РАПП.

Чего стоит, например, ответ критикам соавтора А. Штейна по плохой пьесе «Карта Кудеяри» Я. Горева: «Мы знаем, кто нас критикует... Кто против нас, тот против пролетарской драматургии, тот против диктатуры пролетариата» (!).

Так конкретизировался авербаховский лозунг «союзник или враг».

Эти методы зажима самокритики культивировались и долгое время спустя. Не кто иной, как ныне разоблаченный враг народа Белицкий, уговаривал драматургов в период чистки партии не выступать «с повышенными требованиями» к А. Штейну.

Деятельность А. Штейна на протяжении ряда лет хорошо известна ленинградским драматургам и поэтому она подверглась резкой критике.

А. Валевский и целый ряд других товарищей заявляют о том, что их в никакой мере не удовлетворил доклад А. Штейна, в котором не было полным голосом сказано об ошибках, о грубейших рапповских рецидивах, которые характеризовали его работу в драмсекции.

— Неверно, — говорит А. Бартен,— когда Штейн теперь заявляет, будто бы он плохо знал театр ЛАПП, не имел к нему прямого отношения и даже якобы боролся с его установками. Я работал в те годы во Всероскомдраме и утверждаю, что все заседания руководства театра происходили в кабинете А. Штейна.

Об отношении Штейна к театру ЛАПП говорят и страницы журнала «Рабочий и театр», выходившего тогда под его же редакцией.

В № 12, подписанном к печати 23 апреля 1932 г. (!), напечатан отчет о выступлении Штейна по поводу театра ЛАПП:

«Перед нашим театром стоит задача создания Магнитостроев в искусстве. Перед лапповским театром стоит задача консолидации вокруг себя пролетарской драматургии на основе театрального документа ЛАПП».

Рапповские пережитки, по утверждению оратора, сказывались на протяжении всей работы драмсекции, и до последних месяцев чувство товарищеского локтя подменялось там чувством рапповского кулака. Вот почему собрание ожидало от Штейна подлинной большевистской самокритики и, в частности, об'яснений по поводу его взаимоотношений с Г. Белицким.

Здоровая прямая критика, направленная на вскрытие действительных недостатков и ошибок и обеспечивающая консолидацию партийных и беспартийных писателей, должна быть отделена от имевших место на собрании реваншистских вылазок.

Об этом правильно говорили драматурги Н. Зельцер (кстати, один из немногих товарищей, давший анализ конкретных произведений ленинградских драматургов), В. Волженин и другие, указывая, что под видом выкорчевывания рапповских методов отдельные ораторы сами энергично размахивали рапповской дубинкой.

В частности рецидивы этих критических «методов» прозвучали вчера в выступлении А. Розена, который разбор и критику пьесы Штейна подменил потоком неаргументированных ругательных эпитетов. Такая критика ничего не доказывает, ей не веришь, она мешает, она захлестнула те правильные положения, которые содержались в начале выступления А. Розена.

Однако нельзя пройти и мимо другого рода выступлений, в которых всякая критика, звучавшая на собрании, шельмуется и дискредитируется. К числу таких выступлений следует отнести выступление А. Зиновьева.

С интересом выслушало собрание речь Алексея Толстого.

— Нам всем свойственно некоторое критическое отношение к нашей работе. Мы о себе думаем хуже, чем мы того заслуживаем. Это хорошо. Самоуспокоенность вредна в творчестве. Если я вижу, что моя следующая книга не лучше предыдущей, я в отчаянии. Я недоволен, когда я не нахожу, что можно исправить в моей старой книге. Это происходит потому, что мы все растем.

Но на Западе советская литература предстает в совершенно ином свете. В Лондоне, во время моих встреч с писателями, я понял, какая у нас грандиозная литература, полная новых идей, нового подхода к жизни, к новому материалу.

Мы — литература молодая. Но нам необходимо внимательно проанализировать, что с нами происходит.

РАПП наделала гораздо больше вреда, чем это кажется. РАПП, это — холодное, формально умозрительное отношение к жизни, к идее. РАПП, помимо всего прочего, принесла такой вред: она учила формально мыслить, логически холодно, схематично, без ощущения жизни, плоти жизни. Она отучала нас от наблюдения, от того, что составляет существо искусства.

Надо выкорчевать рапповское охвостье. Но в нас самих еще много осталось от того периода, когда РАПП нас ломала и коверкала. Мы не можем утешаться тем, что мы самая большая литература мира. Это только нас обязывает к большему. Наша аудитория — весь мир.

Несколько слов о театре. Что тут надо сделать, чтобы двинуть наши таланты, наши мозги в эту сторону? Почему у нас мало пьес? Писатели, в том числе и я, не умеют еще писать пьесы. Надо помнить, что мастерство можно постигнуть только в соприкосновении с театром, вне театра драматургии быть не может. В противном случае у нас будут создаваться романы в диалогах, пьесы для чтения. Работа с театром обязательна для нашей драматургии.

К концу третьего дня собрания выступил заведующий культпросом Горкома ВКП(б) и ответственный секретарь ЛенССП т. И. Цильштейн. Подробно останавливаясь на троцкистской сущности авербаховских «теориек» и лозунгов, т. Цильштейн подчеркивает необходимость до конца выкорчевать корешки вредительской деятельности Авербаха в Ленинграде, до конца раскрыть всю его диверсионную механику.

— Наши собрания, — говорит т. Цильштейн, — хотя и послужили началом этой работе, но все же все точки над «і» еще не поставлены. Новому бюро предстоит большая работа, а люди, которые были запутаны в авербаховских сетях, не должны дожидаться, а сами рассказать обо всем. Но, конечно, нельзя валить всех в одну кучу, ставить на одну доску людей, честно отошедших от Авербаха, и людей, продолжавших вести антипартийную работу.

Надо понять и то, что сейчас не может быть и речи о каком-либо снижении качества. Мы должны организовать творческую среду по линии борьбы за качество, а не по линии попустительства.

Далее И. Цильштейн останавливается на вопросах подготовки к двадцатилетию Октября, не нашедших достаточного отражения в работе собрания. Он отмечает плохую работу театров с драматургами, в которой весьма повинен и Комитет по делам искусств. Обойден на собрании вопрос о теакритике, хотя в Ленинграде этот участок находится в захудалом состоянии.

— Линия ЛАПП так же, как и линия прошлого вредительского руководства ЛенССП, — заключает т. Цильштейн, — была направлена к тому, чтобы поссорить писателей-коммунистов и беспартийных. Наша первоочередная задача — сплотить все наши писательские кадры, чтобы дать стране побольше партийных произведений, а такие произведения могут быть созданы и партийными и беспартийными писателями-большевиками.

4-Й ДЕНЬ

Вчера закончилось продолжавшееся четыре дня общее собрание ленинградских драматургов. С заключительным словом на собрании выступил и А. Штейн. Он вынужден был заговорить о том, о чем умолчал в своем докладе. На этот раз А. Штейн дал пространные об'яснения, раскрывая многое в своем общественном поведении за истекшие годы, начиная с работы во Всероскомдраме (1930 г.) и кончая секцией драматургов в 1936 г. А. Штейн должен был признать, что в основном критика его деятельности, данная на собрании, была правильной и что только теперь он «почувствовал целый ряд вещей, которые в силу неизжитой рапповской психологии стали чертами его характера».

Эти запоздалые признания, сделанные в результате четырех дней ожесточенной критики, лишний раз свидетельствуют, насколько остро стоит перед всей ленинградской литературной организацией задача окончательного преодоления рапповских пережитков.

Собрание избрало новое бюро секции в составе: С. Семенова, Голичникова, Щеглова, Зельцера и Ялунера.

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТУПОСТЬ»

ЛЕНИНГРАД (наш корр.). Партийный комитет государственной публичной библиотеки им Салтыкова-Щедрина обсудил заметку «Политическая тупость», напечатанную в «Литературной газете» № 22 (658) от 26 апреля с. г.

В вынесенном постановлении партком указывает, что факты, изложенные в заметке, полностью подтверждены. Партком отмечает, что со стороны дирекции библиотеки (директор т. Вольпер), допустившей открытие выставки без предварительного ее просмотра, была проявлена беспечность. Руководитель массового отдела библиотеки т. Эйдельман не обеспечил подбор литературы, как и целеустремленность в организации всей выставки. Эта ответственная работа была передоверена малоквалифицированным сотрудникам.

Партийный комитет предложил директору библиотеки т. Вольперу обеспечить в дальнейшей работе массового отдела составление развернутых планов выставок, их просмотр и утверждение, привлечение к организации каждой выставки специалистов-консультантов.

Среди ленинградских критиков и литературоведов

В рядах ленинградских критиков и литературоведов долгое время орудовали враги народа Горелов, Бескина, Майзель, Мустангова, Штейнман, Оксман, Старчаков, Брустов и др. Их деятельность нанесла огромный вред литературе.

Казалось бы, после разоблачения этих подлых участников троцкистско-фашистской шайки критическая секция, руководимая Е. Добиным, должна была до конца вскрыть вредительские «теорийки», проповедывавшиеся всеми этими лазутчиками классового врага.

Это было тем более необходимо, что в самом бюро секции, назначенном Гореловым, оказались и Оксман, и Бескина, и сам Горелов.

Именно разоблаченные ныне троцкисты составляли «критический актив» газеты «Литературный Ленинград», они стремились заполнить своими писаниями критические отделы литературных журналов и даже в самой секции их имена мы встречаем в числе основных докладчиков.

Но руководство секции критиков и литературоведов, «добру и злу внимая равнодушно», до последнего времени проходило мимо первоочередной политической задачи — вскрытия и разгрома троцкистско-бухаринского охвостья. Точно также оно проходило мимо всех крупнейших политических задач, поставленных перед советской критикой и литературоведением.

В секции не существовало активного и повседневного общественно-идеологического контроля над творческой работой своих членов, и это благоприятствовало подрывной работе врага.

Секция также своевременно не указала ни на гнилые теории критика Коварского, отрицавшего, между прочим, значение и достоинства картины «Мы из Кронштадта», ни на ошибки Л. Левина, выступившего с порочной теорией, противопоставлявшей мастерство материалу. На основании этой теории любимая миллионами книга «Цусима» исключалась из числа достижений советской литературы.

Секция, наконец, не сумела мобилизовать свои силы для организации работы к 20-летию Великой Пролетарской революции.

В своем отчетном докладе на собрании секции Е. Добин вынужден был признать полную неудовлетворительность работы возглавлявшейся им секции. Услышав из уст Е. Добина признания в политической слепоте и потере классовой бдительности, собрание имело основание ожидать от него более развернутого и глубокого анализа вредительской деятельности врага, который—по его же признанию—орудовал за его спиной, и критики собственных ошибок. Собрание ожидало, что Е. Добин, являвшийся одним из руководителей ЛАПП, особенно подробно остановится на вражеской тактике авербаховской группки.

Однако, дав общую характеристику авербаховщины как отвратительного троцкистского вредительства, политического двурушничества, хамства и грязных интриг, Добин ограничился подчеркиванием того, что он сразу же после ликвидации РАПП отошел от Авербаха. Неужели Е. Добин до сих пор не понимает, что общие слова и общие признания мало чем могут помочь литературной организации распутать до конца грязный клубок авербаховщины, нити которого, как выяснилось, не трудно найти и в среде ленинградских критиков.

Об этом, прежде всего, свидетельствует выступление критика Л. Левина.

Известно, что он находился в долголетней связи с Авербахом, которая не прерывалась до самого последнего времени. Он был в числе «друзей», навещавших Авербаха в Свердловске, а последняя дружеская встреча состоялась в Москве в феврале 1937 г., уже после того, как разоблаченный Авербах был изгнан с Урала.

На прямой вопрос председателя собрания Н. Свирина, в чем же конкретно выразилась эта связь, какие указания или директивы давал ему Авербах, Л. Левин, к изумлению собравшихся, принялся наивно утверждать, что он «еще не собрался с мыслями» и не может припомнить, чему именно были посвящены беседы с Авербахом. Единственное, что он удосужился вспомнить, это—факты, хорошо всем известные из отчетов о московских собраниях писателей и драматургов: попытки Авербаха внести раскол между писателями коммунистами и беспартийными и написанная под авербаховскую диктовку статья Мирского, зачеркивающая творчество А. Фадеева.

И все же собрание заставило Л. Левина припомнить кое-что и посущественнее. Оказывается, во время одной из этих встреч был затронут вопрос о возможности возвращения Авербаха в литературу, при чем Авербах поделился с Левиным своими якобы радужными надеждами. Разумеется, собрание не удовлетворилось скупыми признаниями и недомолвками Л. Левина.

Левину придется крепко призадуматься над политическим смыслом авербаховщины и без утайки рассказать все, что он знает о деятельности Авербаха за эти годы.

Необходимо распутать до конца все авербаховские нити в Ленинграде. Об этом говорили критики и литературоведы Л. Плоткин, О. Цехновицер, Б. Мейлах, А. Дымшиц и др. Они обрисовали растленную обстановку подхалимства, зажима самокритики, которая создавалась врагами народа в ленинградской литературной организации. Проводилась особая линия на мобилизацию «своих кадров» и на демобилизацию тех людей, которые не считались «своими».

Многие участники собрания указывали, что надо еще раз внимательнее просмотреть деятельность тех людей, которые осуществляли в ЛАПП линию Авербаха.

В этой связи О. Цехновицер и Б. Мейлах указывали на «деятельность» Чумандрина, одного из руководителей РАПП и ЛАПП, редактора групповой газетки ЛАПП «Наступление», проводившей по указке Авербаха так называемую «генеральную линию РАПП».

Б. Мейлах напомнил, что М. Чумандрин продолжал антипартийную групповую борьбу и после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. и считал лето 1932 г. «самым несчастным летом для РАПП», не считаясь с тем, что РАПП уже не существовало; на собрании ленинградского оргкомитета осенью 1932 г. он истерически кричал о «творческом затишьи» после ликвидации РАПП и т. п.

Были названы также имена бывших «деятелей» ЛАПП — Мительмана, Бейлина и других, которые, — по словам О. Цехновицера, — продолжали рапповскую линию, перебравшись в ленинградскую редакцию «Истории фабрик и заводов».

Собрание, наконец, обратило внимание, что Л. Цырлин, долгое время писавший статьи в соавторстве с врагом народа Бескиной, до сего времени не удосужился выступить с развернутой критикой ее враждебной литературно-теоретической деятельности. Невнятны, — говорит Н. Лесючевский, — и об'яснения по поводу своих ошибок, которые до сих пор давал Н. Коварский.

— Не случайно, — указал в своем выступлении отв. секретарь лен. ССП т. Свирин, — у критиков существует чувство глубокого неудовлетворения своей секцией. Секция не способствовала выполнению политических задач, стоявших перед литературной критикой, секция не интересовалась работой каждого своего члена. Перед нами стоит задача разобраться во враждебной работе горбачевцев и авербаховцев.

Однако, — подчеркивает Н. Свирин, — необходимо чрезвычайно внимательно и диференцированно подходить к каждому отдельному человеку.

В частности Н. Свирин указывает, что М. Чумандрин, действительно противодействовавший в течение ряда месяцев реализации постановления ЦК, впоследствии вслед за Фадеевым и другими товарищами резко порвал с Авербахом.

Собрание признало работу старого бюро секции неудовлетворительной. Избрано новое бюро, в которое вошли Н. Свирин, В. Десницкий, И. Гринберг, А. Дымшиц и Л. Плоткин.

В. К.

Добрый дядя

Не так давно в Литературный фонд СССР явился молодой человек.

— Двоюродный брат Шолохова. Черников, — отрекомендовался он директору Литфонда т. Оськину. — Поиздержался, знаете ли, в дороге. Не дадите ли ссудочку?

На этот раз против обыкновения просителю отказали. Выяснилось, что Черников—аферист и, конечно, никакого отношения к писателю Шолохову не имеет.

Жулик Черников далеко не случайно выбрал для своей аферы литфондовскую кассу.

В писательской среде, да и не только в писательской, а далеко за ее пределами, Литфонд за три года своего существования приобрел прочную славу «доброго дяди», щедро раздающего и малые и большие суммы.

★

В Литфонде, как и во всякой солидной организации, есть правление. Входят в него: Вс. Иванов — председатель, И. Жига — заместитель, И. Касаткин, В. Ильенков, Г. Максимов, И. Альтман, Б. Ромашов, В. Заузбрин, М. Слонимский, И. Кириленко, есть директор, есть и штаты, притом не маленькие.

За один только 1936 г. литфондовский аппарат «скушал» **миллион 209 тысяч рублей.**

Правление Литфонда собирается два-три раза в месяц, разбирает заявления о ссудах, возвратных и безвозвратных, о путевках и т. п. В течение нескольких заседательских часов рассматриваются десятки (а, бывает, и сотни) заявлений. Предварительная работа по заявлениям, как правило, не ведется. С писателем не беседуют, не выясняют действительной его нужды.

Деньги выдаются часто «по наитию».

И нет ничего удивительного в том, что среди получивших ссуды немало халтурщиков, окололитературных прихлебателей, людей, не нуждающихся, и просто рвачей...

Вот Лев Шифферс.

Кому из читателей известен этот драматург? А ведь он ухитрился за два с половиной года урвать в Литфонде около 12 тысяч рублей.

Или Барков...

Как литератор он известен только Литфонду, который выдал ему 5200 рублей.

Таких примеров в практике Литфонда очень много. За 1936 г. Литературный фонд «ухлопал» около 50 тысяч на оплату путевок, розданных посторонним, выклянчившим государственные деньги у «доброго дяди»...

Правда, порою Литфонд пытается вычистить свои ряды от нелитературных людей. Но делается это неумело, без глубокой проверки исключаемых. В октябре 1936 г. правление исключило из членов Литфонда литературоведов С. Макашина и М. Клевенского, мотивировав свое решение тем, что они «за последнее время ничем себя творчески не проявили».

Вздорность этого обвинения ясна каждому, кто хоть сколько-нибудь знаком с литературной жизнью нашей страны. Имя М. Клевенского, особенно последнее время, часто появляется на страницах литературно-художественных журналов. С. Макашин редактирует полное собрание сочинений Н. Щедрина, подготовил для «Советского писателя» книгу «Как работал Щедрин».

Писательского актива у Литфонда нет. Он ни разу не отчитался перед своими членами.

Выдача ссуд засекречена. Никто из «внешнего мира» на заседания правления не допускается.

Правление Литфонда не избиралось. Оно было назначено президиумом ССП.

Таким образом Литфонд превратился в бюрократическую, оторванную от писательской общественности, организацию.

Этим и только этим об'ясняется то, что руководители Литфонда потеряли необходимую в наши дни политическую бдительность. Врагам народа Литфонд роздал десятки тысяч рублей. Враг народа Я. Рыкачев получил 4000 рублей, столько же — троцкистский благодетель Иван Катаев. Кулацкий выродок П. Васильев получил 1700 рублей. Пользовались писательской кассой и Грудская, и Филипченко, и Воронский, и Селивановский и др.

Виноват Литфонд и в том, что многие писатели смотрят на него, как на «доходное место». Получив ссуду, они не возвращают ее в срок. К 1 января 1937 г. общая сумма просроченных ссуд превысила **миллион рублей.**

Сие обстоятельство, однако, мало беспокоит правление Литфонда. Оно не принимает никаких мер к взысканию денег.

★

Литфонд подчинен правлению ССП. Прямая обязанность последнего — руководить, контролировать, направлять литфондовскую деятельность.

Этого, однако, на деле нет. Руководит правление ССП Литфондом плохо. До сих пор оно не удосужилось рассмотреть и утвердить литфондовскую смету на 1937 год.

Таковы вкратце замечания, которые невольно возникнут у каждого при первом знакомстве с литфондовской деятельностью. Ясно, что они охватывают далеко не все, мягко выражаясь, неполадки. Но даже и то, что отмечено, позволяет нам со всей резкостью поставить вопрос о необходимости коренной перестройки работы Литфонда.

Нужно немедленно прекратить разбазаривание литфондовских средств! Помогать только писателям и только действительно нуждающимся!

Не пора ли также пересмотреть устав Литфонда? Он устарел и некоторые параграфы его противоречат принципам социалистического демократизма.

НАСТРОЕВ

Портрет Шота Руставели—художественная вышивка работы Л. Рамишвили. Художественная школа колхозниц Аджарии. (Выставка народного творчества в Тбилиси)

Нужны срочные меры

Письмо из Йошкар-Олы

Троцкист и буржуазный националист В. Мухин долгое время на страницах журнала «У Вий» развивал свои реакционные взгляды. В отношении дореволюционной марийской литературы враг народа В. Мухин настаивал на том, что она вся была капиталистической.

В 1933 г. дважды обком ВКП(б) в своих решениях указывал на необходимость разоблачения троцкистско-националистических ошибок В. Мухина. Но писательская организация поступила наоборот: в 1935 г. В. Мухина ввели в состав редколлегии журнала «У Вий», печатали его статьи, находились даже люди, которые просто выступали в печати с сожалением о том, что в программах по марийской литературе не фигурирует произведение с националистическим душком и что вообще этому «интересному поэту», т.-е. Мухину, мало уделено внимания.

Другой националист, Н. Мухин, тоже возведенный некоторыми, с позволения сказать, критиками в ранг крупных поэтов, в «певца народного горя», считал, что в судьбе марийских крестьян, вошедших в колхоз, никаких изменений не произошло. Зная националиста Н. Мухина, издавая его стихи отдельным сборником, редактор и автор предисловия ни одним словом не обмолвился относительно национализма Н. Мухина.

Редактором журнала «У Вий», автором предисловия к сборнику стихов Н. Мухина, покровителем националистических, троцкистских элементов в марийской литературе был враг народа буржуазный националист Карпов, ныне уже разоблаченный.

Этот националистический негодяй, проникнув в ряды писателей, своей подрывной гнусной работой изо дня в день разлагал писательскую организацию, задерживал рост молодых кадров, препятствовал появлению новых советских литературных сил.

Молодые марийские писатели, среди которых имеются довольно способные, растущие люди, но нуждающиеся в поддержке, неоднократно обращались в отделение союза советских писателей с просьбой рассмотреть их заявления о приеме в союз, обсудить их произведения. Просьбы их оставались без всякого результата. Так было с Петуховым, Фарберг и др.

Звениговский литкружок выпустил альманах. Кружок через газету «Марийская правда» обратился к отделению союза советских писателей за помощью. Кружковцы повторили свою просьбу четыре раза и все-таки союз писателей ничего им не ответил.

Как могли троцкистско-националистические подлецы, враги народа так безнаказанно действовать?

Прежде всего писательская общественность Марийской республики оказалась на чрезвычайно низком уровне. Только полным безразличием к жизненным интересам союза можно об'яснить такое состояние организации.

Союз советских писателей до последнего времени не вел систематической работы в Марийской республике. Приезжавшие представители ССП не вникали в суть дела, не принимали решительных мер к оздоровлению писательской организации.

Надо немедленно заняться оздоровлением ССП Марийской республики. Надо переизбрать правление. Надо оказать помощь марийским писателям, поддержать молодых и смело выдвигать новых людей к руководящей работе.

А. М.

«Дело о юбилее Державина»

В архиве б. тамбовской городской управы обнаружено «Дело об ознаменовании столетнего юбилея со дня смерти поэта Г. Р. Державина», бывшего, как известно, первым наместником Тамбова.

«Дело» это было начато 16 августа 1916 года.

Оно характеризует невежество тогдашних «отцов города» — гласных городской думы. Составленная из них комиссия, обсудив вопрос о юбилее, в своем докладе заявила:

«Не имея в своем распоряжении подробных исторических сведений о жизни и деятельности в Тамбове поэта Г. Р. Державина, комиссия затруднилась вынести какое-либо определенное решение».

Между тем подробные исторические сведения о губернаторстве Державина в Тамбове можно было найти легко. Достаточно было заглянуть в сочинения о нем, написанные Гротом, Дубасовым, Салиасом и мн. др.

Только после долгой волокиты, «справок» и «согласований» городская управа, в ознаменование столетия со дня смерти Державина, решила переименовать маленькую, в два квартала, Бобикову улицу в Державинскую, мотивируя тем, что эта улица когда-то называлась Наместнической.

Такой казенной отпиской «почтила» тамбовская буржуазия память русского поэта XVIII века, «первого просветителя города Тамбова».

Д. НОВ.

Тамбов.

И. ИЛЬФ и Е. ПЕТРОВ

Журналист Ошейников

Фельетон «Журналист Ошейников» написан И. Ильфом и Е. Петровым в 1933 г. Публикуется впервые.

Поздно ночью журналист Ошейников сидел за столом и сочинял художественный очерк.

Тут, конечно, удобно было бы порадовать читателя экстренным сообщением о том, что мягкий свет штепсельной лампы бросал причудливые блики на лицо пишущего, что в доме было тихо, и лишь поскрипывали половицы, да где-то (далеко-далеко) брехала собака.

Но к чему все эти красивые литературные детали? Современники все равно не оценят, а потомки проклянут.

В силу этого будем кратки.

Тема попалась Ошейникову суховатая — надо было написать о каком-то юбилейном заседании. Развернуться на таком материале было трудно. Но Ошейников не пал духом, не растерялся.

«Ничего, — думал он, — возьму голой техникой. Я, слава богу, набил руку на очерках».

Первые строчки Ошейников написал не думая. Помогали голая техника и знание вкусов редактора.

«Необ'ятный зал городского драматического театра, вместимостью в двести пятьдесят человек, кипел морем голов. Представители общественности выплескивались из амфитеатра в партер, наполняя волнами радостного гула наше гигантское театральное вместилище».

Ошейников попросил у жены чаю и продолжал писать:

«Но вот море голов утихает. На эстраде появляется знакомая всем собравшимся могучая, как бы изваянная из чего-то фигура секретаря обкома, нашего Антона Николаевича Гусилина. Зал разражается океаном бесчисленных аплодисментов».

Еще десять подобных строчек легко выпорхнули из-под пера журналиста. Дальше стало труднее, потому что надо описать новую фигуру — председателя исполкома тов. Чихаева.

Фигура была новая, а выражения имелись только старые. Но и здесь Ошейников, как говорится, выкрутился.

«За столом президиума юбилейного собрания энергичной походкой появляется лицо тов. Чихаева. Зал взрывается рокочущим прибоем несмолкающих рукоплесканий. Но вот клокочущее море присутствующих, пенясь и клубясь бурливой радостью, входит в берега сосредоточенного внимания».

Ошейников задумался.

— Входит-то оно входит, а дальше что?

Он встал из-за стола и принялся нервно прогуливаться по комнате. Это иногда помогает, некоторым образом заменяет вдохновение.

— Так, так, — думал он, — этого Чихаева я описал неплохо. И фигура Гусилина тоже получилась у меня довольно яркая. Но вот чувствуется нехватка чисто художественных подробностей.

Мысли Ошейникова разбредались.

— Чорт знает что, — размышлял он, — второй год обещают квартиру в новом доме и все не дают. Илюшке Качурину дали, этому бандиту Фиалкину дали, а мне...

Вдруг лицо Ошейникова озарилось нежной, детской улыбкой. Он подошел к столу и быстро написал:

«По правую руку от председателя собрания появилась уверенная, плотная, крепкая бритая фигура нашего заботливого заведующего жилищным отделом тов. Ф. З. Грудастого. Снова вскипает шум аплодисментов».

— Ах, если б две комнаты дал! — страстно зашептал автор художественного очерка. — Вдруг не даст? Нет, даст. Теперь должен дать.

Для полного душевного спокойствия он все-таки вместо слов «шум аплодисментов» записал «грохот оваций» и щедро добавил:

«Тов. Грудастый спокойным взглядом выдающегося хозяйственника обводит настороженно притихшие лица первых рядов, как бы выражающие общее мнение: «Уж наш т. Грудастый не подкачает, уж он уверенно доведет до конца стройку жилой точки по Васильевской улице и справедливо распределит квартиры среди достойнейших».

Ошейников перечел все написанное. Очерк выглядел недурно, однако, художественных подробностей было еще маловато.

И он погрузился в творческое раздумье. Скоро наступит лето, засверкает солнышко, запоют пташки, зашелестит мурава... Ах, природа, вечно юная природа... Лежишь в собственном гамаке на собственной даче...

Ошейников очнулся от грез:

— Эх, и мне бы дачку! — подумал он, жмурясь.

Тут же из-под пера журналиста вылились новые вдохновенные строки:

«Из группы членов президиума выделяется умный, как бы освещенный весенним солнцем, работоспособный профиль руководителя дачного подотдела тов. Куликова, этого неукротимого деятеля, кующего наш летний здоровый, культурный, бодрый, радостный, ликующий отдых. Невольно думается, что дачное дело — в верных руках».

Муки художественного творчества избороздили лоб Ошейникова глубокими морщинами.

В комнату вошла жена.

— Ты знаешь, — сказала она, — меня беспокоит наш Миша.

— А что такое?

— Да вот все неуды стал из школы приносить. Как бы его не оставили на второй год.

— Стоп, стоп, — неожиданно сказал журналист. — Это очень ценная художественная деталь. Сейчас, сейчас.

И в очерке появился новый абзац.

«Там и сям мелькает в море голов выразительное лицо и внушающая невольное уважение фигура заведующего отделом народного образования тов. Калачевского. Как-то мысленно соединяешь его фигуру с морем детских личиков, так жадно тянущихся к культуре, к знанию, к свету, к чему-то новому».

— Вот ты сидишь по ночам, — сказала жена, — трудишься, а этот бездельник Фиалкин получил бесплатную каюту на пароходе.

— Не может быть!

— Почему же не может быть? Мне сама Фиалкина говорила. На-днях они уезжают. Замечательная прогулка. Туда — неделю, назад — неделю. Их, кажется, даже будут кормить на казенный счет.

— Вот собака! — сказал Ошейников, бледнея. — Когда это он успел!? Ну, ладно, не мешай мне со своей чепухой.

Но рука уже сама выводила горячие, солнечные строки:

«...А вот нет, нет, да мелькнет из-за любимых всеми трудящимися спин руководителей области мужественный и глубоко симпатичный анфас начальника речного госпароходства тов. Каюткина, показывающего неисчерпаемые образцы ударной, подлинно водницкой работы...»

— Что-то у меня в последнее время поясница поламывает, — продолжала жена. — Хорошо бы порошки достать, только нигде их сейчас нет.

— Поламывает? — встрепенулся очеркист. — А вот мы тебе сейчас пропишем твои порошки.

Ошейников вытер пот и, чувствуя прилив творческих сил, продолжал писать:

«...В толпе зрителей мелькает знаменитое во всем городе пенсне нашего любимого заведующего здравотделом...»

Под утро очерк был готов. Там были упомянуты все — и директор театра, и администратор кино «Голиаф», и начальник милиции, и даже заведующий пожарным отделом («...чей полный отваги взгляд...»). Заведующего очеркист вставил на случай пожара.

— Будет лучше тушить, — сладострастно думал он, — энергичнее, чем у других.

В свое художественное произведение он не вписал только юбиляра.

— Как же без юбиляра? — удивилась жена. — Ведь сорок лет беспорочной деятельности в Ботаническом саду.

— А на чорта мне юбиляр! — раздраженно сказал Ошейников. — На чорта мне Ботанический сад! Вот если бы это был фруктовый сад, — тогда другое дело!

И он посмотрел на жену спокойным, светлым, уничтожающим взглядом.

КНИГИ

ГОСЛИТИЗДАТ

★ **«Литературные теории XIX века»** Георга Лукача поступят скоро в продажу. Книга состоит из следующих разделов—«Людвиг Фейербах и немецкая литература», «Карл Маркс и Фридрих Теодор Фишер», «Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу «Зикингена» и «Франц Меринг».

★ **Вышел X том** юбилейного издания собрания сочинений Гете, включающий в себя третью и четвертую части «Поэзии и правды» и статьи писателя о литературе и искусстве. Статьям предпослано предисловие Н. Вильям-Вильмонта—«Гете в его работах о литературе и искусстве».

★ **Группа поэтов** под руководством Н. Асеева подготавливает для издательства сборник произведений революционных писателей Испании.

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

★ **«Избранные стихи»** народного поэта Грузии орденоносца Галактиона Табидзе, вышедшие на-днях в свет, отражают весь творческий путь поэта. В сборник вошли дореволюционные стихи Г. Табидзе, поэма «Джон Рид», произведения из цикла «Эпоха», «Пацифизм», «Революционная Грузия».

Редакция переводов — Н. Тихонова.

★ **Поступили сигнальные экземпляры** сборников «Стихотворений» Л. Мея и Е. Баратынского. Оба сборника вышли в серии «Малая библиотека поэта».

Обсуждение романа Ф. Панферова «Творчество»

8 мая в Доме советского писателя состоялось обсуждение романа Ф. Панферова «Творчество», помещенного во втором и в третьем номерах журнала «Октябрь».

С докладом о романе выступил т. И. Разин.

В обсуждении приняли участие тт. А. Макаренко, Н. Асеев, А. Исбах, профессор Рамзай.

Продолжение дискуссии состоится 13 мая.

В. КИРПОТИН

Ованес Туманян

1.

Армянская поэзия XIX и начала XX веков достигает своей вершины в творчестве Ованеса Туманяна (1869—1923).

Ни у одного армянского писателя XIX века не было таких органических связей с народной жизнью и миром народного творчества, как у Туманяна. Он родился в Лори, в очень живописном районе Армении, где в памяти его односельчан сохранялся богатый запас народных преданий, сказок, песен, обрядов и т. д. Ованес Туманян всю жизнь сохранял исключительный интерес и любовь к родному фольклору. В поисках драгоценного материала народной фантазии он странствовал по Армении, посещал селения, районы, расспрашивал стариков и записывал их рассказы.

О стариках-сказителях он писал следующее:

«Каждый из них представляет собой амбар, является музеем легенд, преданий, древних сказаний, народных верований. Вот где находится источник армянской литературы, вот где должен утолять свою жажду армянский поэт, армянский романист, армянский писатель для того, чтобы возмужать». Народные мотивы, басенные элементы, народный эпос, предания, легенды, сочувствие обездоленным и угнетенным, столь характерное для народного творчества, — все это органически вошло в творчество Туманяна. Ясностью, гибкостью, простотой и общедоступностью своей поэзии Туманян также в значительной степени обязан народу.

Народные корни поэзии Туманяна показались книжной критике, современной поэту, чем-то неуклюжим, грубым и мужицким. Его популярная сказка «Пес и кот», написанная в конце 80-х годов, была встречена насмешками, издевкой.

Современное армянское литературоведение относит «Пес и кот» к классическим произведениям.

■ ■ ■

Интерес к народности Туманян сочетал с интересом к просвещению, к величайшим достижениям мировой литературы, к передовым идеям.

И это вполне естественно.

Просвещение и народность не противоречат друг другу, а дополняют друг друга. Их синтез способен давать величайшие результаты в искусстве. Туманян не преклонялся перед народной отсталостью. Он черпал вдохновение не в отсталости, а в живых истоках народной жизни.

Туманян старался глубоко проникнуть в дух русской и мировой литературы:

«Из русских поэтов, — писал Туманян о себе в письме к Лео, — более всех имел на меня влияние Лермонтов, затем Пушкин и, я думаю, что вероятно под их влиянием я написал те поэмы, где воспеты жизнь, быт и природа нашего народа — горца. После них я познакомился и полюбил Байрона, Гете, Шекспира... Шекспир всегда остается самым любимым моим писателем».

Об огромном влиянии на него русской литературы Туманян пишет в другом письме, адресованном Ю. Веселовскому:

«Я нашел, что изученные мною еще в школе произведения русских поэтов, например из Пушкина — «Полтава», «Цыганы», «Песнь о вещем Олеге», «Утопленник», «Зимний вечер»; из Лермонтова — «Песнь про купца Калашникова», «Ангел», «Ветка Палестины», «Спор», «Пророк», «Тучки небесные — вечные странники», «Выхожу один я на дорогу», «И скучно и грустно», — что все эти произведения еще в школьные годы я настолько полюбил, что они должны были непременно повлиять на меня. Некоторые стихотворения и поэмы я даже перевел: из Лермонтова «Мцыри», «Ангел», «Желание», «Я не хочу, чтобы свет узнал», из Пушкина — «Утопленник», «Песнь о вещем Олеге», «Заклинание».

Скажу больше. Я нашел, что русские поэты, главным образом Пушкин и Лермонтов, всегда казались мне более родными и близкими, чем наши армянские поэты (речь идет о поэтах предыдущего поколения). Причиною этого было не только превосходство их талантов, но и следующий весьма существенный факт: в силу каприза судьбы или стечения обстоятельств наши армянские поэты жили и творили вдали от нашей родины, и в их песнях не отразились ни наша природа, ни народная жизнь...

Вообще во многих своих поэмах и стихотворениях Лермонтов замечательно талантливо воспевает кавказские горы, изображает народные обычаи и легенды... Как уроженец Кавказа и горный житель, я люблю эти песни и поэмы... Хотя любовь к горам и тоска по горной жизни и без того свойственна моей душе, но русские поэты дали мне уже самую форму поэмы, какую носят многие мои произведения («Лорийский Сако», «Маро», «Отвергнутый закон», «Ануш» и др.), потому что в нашей литературе раньше таких поэм совсем не было».

2.

Знакомство с мировой литературой, в первую очередь с русской, обогатило и форму и содержание творчества Туманяна.

Вместе с прогрессивным мировоззрением оно сделало его любовь к народу разумной, просвещенной.

Туманян критиковал отсталость, дикость, суеверие, невежество в среде своего народа, в среде армянского крестьянства. Это верный признак истинной, а не националистической любви к народу.

Туманян рисует тяжкую долю неравноправной женщины, горькое положение невестки, вступившей в чужой дом:

Белый свет — темница.
Мне, бездольной, в ней
Суждено томиться
Без счастливых дней.
Ах, на что мне платья,
Красота моя,
Коль не в силах знать я
Вольного житья!

(«Проклятая невестка»).

Не слаще было в условиях деревенской жизни и положение сирот у злой мачехи — («Погос и Петрос»).

Знаменитая его поэма «Ануш» также рисует жестокость нравов и древних обычаев армянской деревни. Туманян хочет, чтобы народные массы, сохранив органичность своей жизни, освободились от всего того, что является результатом веков угнетения, бедности и невежества.

Туманян национальный, но не националистический поэт. Поэтому он с таким живым интересом и братской солидарностью может относиться к литературам других народов. Мы уже знаем, как он относился к русской литературе. В то же время он понимал значение литератур других народов, живших на территории старой России. Как трогательно и как современно звучат его слова-привет «Грузинским поэтам»:

Пусть громко эта песнь звучит,
Зло дружбой заглушая,
Пускай чаруя облетит
Два наших общих края.
Пускай она со всех сторон
Несет веселье сразу
Многоязычных всех племен
Седых высот Кавказа.
Товарищ, брат, приятель мой,
Сестра и мать, согласно
Пойдем мы с нашей каманчей
К всеобщей жизни ясной.

(Перевод Н. Тихонова).

Это стихотворение Туманяна нашло братский отклик в прекрасных строках грузинского поэта:

Свершилось: костер неприязни потух,
Армяне братаются с нами,
Страной управляет вчерашний пастух,
Воспетый твоими струнами!

Не плачет твоя героиня, Ануш,
Раздоры навек присмирели,
И будит тростник отдаленную глушь,
И дружны поэтов свирели.

Из гроба твердишь, что песня жива
Одним лишь вниманьем народа,
И нынче, как встарь, Ованеса слова
Нам слаще лорийского меда.

Слепец, кто, вражду затаив глубоко,
Не верит прозревшим впервые...
Учитель! Ты — нашего стяга древко.
И мертвому внемлют живые.

(Перевод Б. Брика).

В творчестве Туманяна много задушевной лирики, прекрасных описаний природы, которую поэт всегда понимал и которой всегда радовался; есть у него и философские раздумья, традиционные для Востока четверостишия, посвященные размышлениям о смысле жизни и о правилах поведения.

Туманян не боится смерти, у него ясный и оптимистический взгляд на мир, мотивируемый иногда пантеистическими настроениями:

Ты прав: конец всему сужден — содвинем чаши!
Пройдет и этот час, как сон — содвинем чаши!
Мы нынче за столом, а завтра мы в гробу;
Мгновенен жизни бег и звон, — содвинем чаши!

(Перевод О. Румера).

Очаровательны, безыскусственны, полны знания жизни и здравого смысла его сказки. Они проникнуты глубоким сочувствием к народным массам, искренним желанием устроить светло и зажиточно их жизнь. Мужественным романтизмом, призывающим к борьбе, к положительным социальным чувствам, к светлому будущему, проникнуты его легенды:

Пройдет любовь, умрет краса,
Всем тропам свой черед!
Для смерти смертный родился,
Но подвиг не умрет.

(«Взятие Тымкаберта» — перевод П. Антокольского).

3.

Высшим достижением поэзии Туманяна являются его поэмы, из которых самая популярная «Ануш». Поэмы Туманяна являются подлинной энциклопедией жизни армянского народа. К ним вполне может быть приложимо это определение, которым Белинский отметил познавательную ценность «Евгения Онегина». Брюсов был совершенно прав, когда писал: «Для читателей другого народа знакомство с поэмами Туманяна (например, с его «Ануш») дает больше в познании современной (написано до революции. — **В. К.**) Армении и ее жизни, чем могут дать толстые томы специальных исследований.

Поэт в резких и ярких чертах воссоздает быт родного народа, но делает это как художник, вызывая к жизни незабывающиеся образы не столько индивидуализированные, сколько типические». Как поэт, органически связанный с народом и его историей, глубоко проникший в его дух, Туманян обработал народный эпос о Давиде Сасунском, придав ему завершенную художественную форму и полностью сохранив аромат непосредственности старинного народного создания.

Ованес Туманян дожил до победы Октябрьской революции. Он увидел свой народ спасенным от гибели, он увидел армянский народ под руководством рабочего класса, под руководством партии Ленина и Сталина, свободно устанавливающим социалистические формы своей жизни.

Туманян приветствовал новую социалистическую эру в жизни своего народа. Он много трудов положил на искоренение следов националистической ненависти, разжигавшейся дашнаками, грузинскими меньшевиками и мусаватистами. Он писал в одной из своих статей в 1919 году во время господства контрреволюции в Закавказье:

«Посмотрите на простой народ! Я Вам приведу конкретный пример из недавнего прошлого из истории несчастного армяно-грузинского столкновения.

Очевидцы рассказывают.

В Лорийском ущелье есть мост. На одном конце этого моста был поставлен на страже воин-армянин, на другом — грузин. Оба они с винтовками на плечах упорно смотрели друг на друга. Оказывается, они были товарищами, вместе годами бились на полях сражений, вместе страдали, вместе радовались, вместе ели и пили и вместе спали. Теперь их привели и поставили друг против друга как врагов, и они, держа винтовки на плечах, упорно смотрят друг на друга. Однако, улучив минуту, они попросили близко находившихся сельчан разузнать и сообщить им, нет ли поблизости их начальства и не следят ли за ними? Когда они узнали, что нет, то побежали к середине моста, обнялись, поцеловались и, отбежав назад, вновь стали на свои места и, вновь взяв винтовки на плечи, стали упорно смотреть друг на друга...

Народам чужда узкая нетерпимость сидящих в кабинетах политиков и болезненная нервность подверженных минутным настроениям правителей...

Я вам могу рассказать такие трогательные эпизоды — и очень много эпизодов — из отношений татар (т. е. азербайджанцев) и армян, поведать о таких сердечных проявлениях чувств как со стороны татар, так и со стороны армян, что вы удивитесь. И это в то время, когда делание зла и резни всячески поощряются и восхваляются, а делание добра преследуется и даже воспрещается под угрозой смерти».

Ованес Туманян умер в 1923 году. Советская Армения любовно и бережно относится к его драгоценному наследию. Избранные сочинения Туманяна вышли в этом году на русском языке в издании Гослитиздата.

К. МАЛАХОВ

НЕДОРАБОТАННЫЙ РОМАН

Раскольники на Керженце и борьба с ними епископа Питирима, одного из близких Петру I людей, — такова тема романа Костылева. Интересна и сложна эпоха, которую хочет показать романист, мало известны люди, выведенные в романе.

Автор провел работу над большим историческим материалом, включив в роман большое количество исторических документов.

В романе часто цитируются письма Питирима, Петра I, Ржевского, дьякона Александра и других. Однако, несмотря на это, необходимо отметить, что автор допускает ряд исторических ошибок. Так, с самого начала переписки Питирима с раскольниками он именуется епископом Нижегородским, хотя до 1719 года он им не был. Дьякон Александр числится у Костылева главой керженских раскольников и даже начальником раскола (см., стр. 5 и 26), хотя он был руководителем только одного из раскольнических толков дьяконовцев.

Автор называет Авраамия «лесным патриархом» и заставляет раскольников так его именовать. Авраамий же показывал в 1720 г. в тайной канцелярии, что его называли «в издевках лесным патриархом... нижегородские под'ячие», «и он де Аврам, в бытность свою в расколе патриархом сам не назывался... и другие раскольники никто тем званием его не называли».

Исторической неточностью является и то, что автор делает оберландрихтера Нестерова «защитником убогих и гонимых» (стр. 229). Известно, что кроме обвинения Нестерова в расколе петровская юстиц-коллегия начала следствие в связи с излишними поборами, которые он производил с крестьян. Это никак не вяжется с защитой убогих.

Но все эти и другие исторические неточности были бы не столь существенны, если бы автору удалось дать в целом картину петровской эпохи, показать ее деятелей правдиво и художественно. Как раз это и не удалось Костылеву.

Нет нужды подробно об'яснять значение петровского дела и прогрессивный его характер. Ленин писал, что «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» (т. XXII, стр. 517). Это выдвигает требование к автору, раскрыв весь сложный переплет классовых противоречий, варварской эксплоатации и угнетения масс, показать также и те классы, на которые Петр опирался в своей работе, и прогрессивный смысл его деятельности.

По роману Костылёва вся страна недовольна мероприятиями Петра. Недовольны крестьяне и горожане, купцы и дворяне, попы и раскольники. В начале романа у читателя создается представление, что поддержкой и опорой Петра являются солдаты и иноземцы (стр. 37). Однако очень скоро выясняется, что, собственно, и на гвардейцев надежды немного, «каленым железом клеймили их, ставили знак на руке, чтобы не бежали в леса...» (стр. 168). Только Питирим оказывается единственной надежной опорой Петра.

Правда, кое-где в романе встречаются авторские замечания о том, что купечество и дворянство за Петра, но это только стыдливые оговорки, которые не меняют основного — неверного изображения петровской эпохи.

Примитивно, схематично рисует автор раскол, его внутренние противоречия и его сопротивление Питириму.

Беспощадная борьба с расколом, которую проводил Питирим в Нижегородском крае, где очень живы были воспоминания о Булавинском восстании, об'ясняется не чисто религиозными причинами. Петр I был достаточно равнодушен к богословским тонкостям. Когда во время войны со шведами находившиеся близко от западных границ ветковские стародубские раскольники вели партизанскую войну против шведов, Петр охотно принимал их поддержку.

Выговские раскольники, давшие согласие Петру помогать в строительстве железных заводов, получили разрешение «жити в той Выговской пустыне и по старопечатным книгам службы свои к богу отправляти» («Раскольничьи дела», 288).

Следовательно, борьба против раскола и в частности та, которую проводил Питирим, должна быть об'яснена не личными качествами Питирима и не богословскими разногласиями, а тем, что к концу войны со шведами керженские раскольники, очень многочисленные (свыше 77 скитов), становились центрами, где скапливались силы, враждебные петровскому государству. Поэтому Петр так внимательно отнесся к донесениям Питирима. Поэтому Питирим, сначала добившийся среди раскольников расслоения и частью «обратив» раскольников в православие, свирепо расправился с теми, которые обращаться не желали и которые были горючим материалом для нового повторения Булавинского восстания.

Романист должен был раскрыть эти переходы в отношении к раскольникам и показать то внутреннее расслоение и противоречия, которые были среди керженских раскольников. Костылев этого не делает. От начала до конца гонение на раскол об'ясняется злой волей Питирима и Петра.

Противоречия внутри раскола, борьбу между отдельными толками Костылев зачастую рисует как бессмысленные, беспричинные драки. «Старцы толкали друг друга», «пырскали яко козлы». «Лесной патриарх ни с того, ни с сего вцепился в бороду Варсанофию. Старец завизжал... Поднялся дикий шум» (стр. 202). В начале романа автор совершенно неправильно отделил раскольников-мирян в целом от раскольников-старцев.

Во второй половине романа автор забывает об этом делении и у него целиком весь скит дьяконовцев «принял на себя разработку леса, получил хорошие деньги от губернатора, а самые преданные дьяконовскому согласию... уехали в подряд на прорытие канала» (стр. 192).

В этом неумении показать расслоение раскола, вскрыть классовые корни его одна из крупных слабостей романа.

Не удалось автору показать и ватагу бунтарей. В начале романа автор рассказывает, что часть раскольников — сюда Костылев относит почему-то и мирян — видит бессмысленность прений с Питиримом, готовится к бунту. Они тайно собираются для того, чтобы найти вождя для восстания. Тут впервые читатель узнает о существовании школяра Софрона, у которого Питирим отбил невесту. Автор совершенно спокойно проходит мимо того обстоятельства, что Софрон — православный, хотя это вряд ли очень располагало раскольников к тому, чтобы за глаза об'явить его своим вождем. Когда Софрон бежит из монастыря и становится вождем ватаги, автор лишь бегло упоминает о связи раскольников с Софроном и его дружиной.

Еще более неопределенны и смутны сообщения автора о связи Софрона и его ватаги с крестьянами вообще. Софрон увещевает свою дружину не обижать крестьян, — но эти уговоры действуют, судя по роману, очень мало. Автор и Софрон именуют ватагу запросто «плутовской ратью», которая требует от Софрона «бить и топить в Волге сельских жителей и посадских людишек» (стр. 236). Это мало похоже на организаторов и руководителей подготовляемого крестьянского восстания.

Неудачен образ самого Софрона. Он дается как человек высокой сознательности и культуры. Как сложился Софрон, совершенно неизвестно. Он много размышляет, говорит речи своей ватаге, но почти не совершает поступков, вытекающих из его высокосознательных рассуждений. Есть только неудавшееся покушение на епископа и нудная возня с попыткой освободить из монастыря свою невесту, которая «каждый день была у него в мыслях».

Немногим больше повезло Костылеву и в показе Питирима. Питирим —главный герой романа Костылева— был несомненно одной из интереснейших фигур петровской эпохи. Петр I, который, как указал товарищ Сталин, сделал «очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев», умел замечать, выдвигать и привлекать к себе талантливых и способных людей. Бывший раскольник, Питирим, перейдя на сторону Петра, выступает в роли активного организатора борьбы с расколом. Знакомый с литературой как господствующей, так и раскольнической церкви, полемист и начетчик, Питирим не стеснялся в своей полемике прибегать к подложным документам. Так, он воспользовался «Соборным деянием на еретика армянина, монаха Мартина», потому что это давало ему нужную аргументацию, что и было очень скоро разоблачено раскольничьими начетчиками. Питирим основывает в Нижнем Новгороде школу миссионеров, привлекая в нее бывших раскольников. Синод неоднократно обращается к нему за миссионерами для посылки в другие раскольничьи районы.

Однако этот крупный исторический деятель, о котором у автора было достаточное количество исторических документов, преподносится как злодей мелодрамы. Основную роль у Питирима играют глаза. Они у него «жгут», «ласкают», «играют», «сверкают» и т. п. Вот, например, сцена обольщения Питиримом Елизаветы: «Шурша тафтою рясы, он низко наклонился к Елизавете. Широкие рукава щекотали ее плечи. От бороды пахло розовым маслом. Жгли большие, ласковые черные глаза. О них говорили с завистью и страхом нижегородцы. Они горели, как свеча в темной келье, рассыпая такие же лучи, хотя густые ресницы старались всячески укрыть их» (стр. 42). Укрыть глаза Питирима не удается густым ресницам на всем протяжении романа, и почти на каждой странице Костылев сообщает: «обжег богомольцев грозным взглядом» (стр. 54), «глаза Питирима заблестели в полумраке» (стр. 58), «терзал он ее своим пристальным взглядом» (стр. 60) и т. д. и т. п.

Демонически прекрасный и столь же демонически коварный Питирим при самой случайной публике, даже при своем враге Нестерове, говорит антигосударственные и антирелигиозные вещи, заявляя, например, что «бог без жрецов — не бог, а пустота» (стр. 41).

Изобразительные средства Костылева вообще чрезвычайно бедны.

Наибольшую роль играют все те же многострадальные глаза. О всех персонажах автор прежде всего спешит сообщить, что происходит с их глазами.

Так, на стр. 11 говорится: «фыркая, сверкая белками»; несколькими строками ниже — Александр подписал «с язвительным блеском в глазах»; еще три строчки ниже — у Варсонофия «глаза в азарте расширились». Если выписать только те фразы, где упомянуты глаза, получится небольшая книжка в несколько печатных листов. Другой способ показа переживаний героя — это описание различных форм проявлений испуга «Многих затрясло от страха» — сообщает автор о раскольниках на стр. 6. На 26-й стр. «монахи замерли, с трудом переводя дух от испуга». На стр. 45 — Степанида трясется «от непонятного ужаса», на стр. 47 — «Филька побелел весь». «Приужаснулся зело». На стр. 55 — купцы «в страхе прибавили еще шагу». На стр. 85 — «тряслись от страха попы», на стр. 90 — «чернецы еле переводят дух от страха», на стр. 134 — «монахи Духова монастыря испуганно тряслись», на стр. 162 — «испуганно ежились» ученики духовной школы, на стр. 217 — «попы, задыхаясь от страха»...

Язык романа совершенно не выдержан. Иногда авторская речь почему-то стилизуется под поповский говорок. О дворянских и купеческих пирах автор рассказывает так: «изрядно подпияхом и случайно вкусил премногогреховного плода. Гостьба была толстотрапезна» (стр. 61). Иногда авторская речь производит впечатление подделки под речь малограмотного человека или мещанский разговор зощенковских персонажей: «Стали обсуждать промеж себя способ» (стр. 53). «Она начала напевать ему, как там они устроят свой обиход» (стр. 358).

Наряду с этим автор козыряет такими красотами: «Прекрасное лицо ее окаменело. Выражение глаз стало застывшим»... «Ее одурманивала, приковывала к себе мысль о власти, о богатстве, о первенстве... Жуткая мысль!» (стр. 39). Или: «монахи молитвами старательно замусоливали в голове своей опасные мысли» (стр. 371). Кроме того, автор тщательно регистрирует все случаи, когда его герои потеют, икают, ковыряют в носу, «подсмаркиваются», «обнажают тощие зады» и совершают просто непристойности.

При описании любовных сцен автор еще более беспомощен. «Красивость» сочетается у него с примитивным и ненужным натурализмом, умеряемым только редкостным однообразием изобразительных средств. На стр. 252 автор заканчивает одну любовную сцену так: «И стал тискать ее». На стр. 278 снова любовная сцена и снова «Сыч поднялся, неторопливо снял кафтан и обнял ее... и стал тискать».

Образцов языка неряшливого, плохого, подчас малограмотного можно было бы привести очень много.

Автор привлек большой исторический материал, процитировав его в романе. Но он не смог овладеть этим материалом, не смог его освоить и дать в достаточно художественной форме. На обязанности редакторов лежало не выпускать недоработанное произведение, обеспечить автору историческую и литературную консультацию, помочь ему разобраться в материале. И странно, почему это сырое, слабое произведение Гослитиздат поторопился переиздать вслед за издательством Горьковского края. А. М. Горький указывал на то, что «необходима беспощадная борьба за очищение литературы от словесного хлама, борьба за простоту и ясность нашего языка». Этой борьбы не провел ни автор, ни редактор.

В. Костылев—«Питирим». Роман из петровской эпохи. Горьковское изд-во. 1936 г. Гослитиздат. Москва. 1936 г.

Иллюстр. Л. Фейнберга к произведениям Феокрита, выпускаемым в изд. «Academia».

КТО АВТОР?

Перед нами два журнала: «Новый мир» № 4 за 1931 год и «Октябрь» № 2 за 1937 год.

В первом помещена статья «Из воспоминаний о В. В. Маяковском» О. Успенской, во втором «Владим Владимыч» — воспоминания Н. Кальма. Фамилии авторов разные, инициалы тоже, а тексты в очень многих случаях одинаковые.

В воспоминаниях обоих авторов мы читаем, буквально **слово в слово одно и то же:**

1) На стр. 166 журнала «Новый мир» и на стр. 173 журнала «Октябрь»:

«Он ходит размашисто, широким шагом, высоко взмахивая палкой. Зимой — в круглой шапке и короткой бекеше, летом — в широком пальто и фетровой шляпе. Серый костюм — «рябчиком». Костюм этот знают все его слушатели: на своих литературных вечерах он снимает пиджак, аккуратно складывает и вешает на спинку стула. Не мешайте, Маяковский работает.

Все его вещи и костюм — плотные, добротные, большие. Костюм хорошо обмялся, большие карманы брюк оттопырены».

И это еще далеко не все:

На стр. 167 у О. Успенской:

«Слово им владеет. Он хватает слово, мнет его, пробует на зуб, переворачивает, делает заумным».

Н. Кальма переписывает:

«Слово всякое он хватает, мнет его, пробует на зуб, переворачивает».

И дальше опять полное совпадение текстов:

«Сертификат — сердцефикат».

и т. д. целый абзац до слов: «Любит Кузьмина и Блока».

Через несколько строк у О. Успенской:

«По неделям влюбляется в строчки каких-нибудь стихов...»

У Н. Кальма:

«Часто по неделям влюбляется в строчки каких-нибудь стихов...», а затем снова целый абзац одинакового текста. Только вместо четверостишия Пастернака Кальма дает две строчки из «Евгения Онегина». Изменение, очевидно, произведено как «дань времени».

Такая же тождественность текста на стр. 168 у Успенской и на стр. 174 у Кальма (совещание в кабинете редактора «Рабочей Москвы») и соответственно на стр. 169 и стр. 185 (эпизод с потерянной записной книжкой).

В обеих статьях взяты эпизоды одного и того же времени — это 1924—25 гг. — эпоха написания поэмы «В. И. Ленин» и приезд Маяковского в Геленджик. Близок и стиль обеих статей.

Все это вместе взятое заставляет предполагать, что или О. Успенская и Н. Кальма одно и то же лицо, печатающее вторично материал под другой фамилией, или же они близкие сотрудники или родственники, не считающиеся с авторской собственностью в отношении имеющихся у них материалов.

Однако, читатель в недоумении: кто же, в конце-концов, автор? Кому принадлежат эти воспоминания?

Редакция журнала «Октябрь» должна раз'яснить недоумение читателя.

Н. ГОЛУБЕНЦЕВ.

Письма читателей

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ В ТОЛСТЫХ ЖУРНАЛАХ

Активный советский читатель, внимательно прочитавший и серьезно проработавший какую-либо книгу, не имеет возможности поделиться своими впечатлениями или критическими замечаниями через литературно-художественные издания. Эти журналы печатают только штатных сотрудников и небольшой, в литературном отношении сомнительный, круг «пригретых знакомых».

Рядовой читатель, направивший в журнал свое суждение или возмущение по поводу прочитанной книги, встречает в редакции холодный прием.

Редакции толстых литературно-художественных журналов усвоили пренебрежительно барское отношение к большинству читательских писем.

Читатель имеет не меньшее право, чем любой писатель или критик, участвовать в создании советской литературы. Он может и хочет давать свои суждения о книгах, запрашивать писателей, пред'являть им неоплаченные счета, и желание его должно быть удовлетворено.

«Молодая гвардия» и «Смена» пытались создать такую читательскую трибуну, и непонятно, почему это робкое, но замечательное начинание не получило широкого практического распространения.

Студент ред.-изд. техникума Ник. АНИКИН

КТО РЕГУЛИРУЕТ ЦЕНЫ НА КНИГИ?

Пушкинское об-во (Ленинград) выпустило книгу «Крепостной Ленинград пушкинского времени», 1937 г., стр. 230. Автор Андрей Яцевой. Цена 8 руб. (!). Книга отпечатана на обыкновенной газетной бумаге, без переплета, с плохими иллюстрациями, в общем рядовая книжка, но цена просто умопомрачительная!

При таком же формате Гослитиздат выпустил роман Ю. Тынянова «Пушкин», стр. 600, цена 2 р. 75 к. в хорошем переплете! В чем же дело? Почему книга Гете в издательстве «Искусство» стоит 12 руб., два тома Дидро — 15 руб. (две тоненьких книжки), а прекрасно изданный Гослитиздатом XI том Стендаля — 7 р. 75 коп.?

Как и кто регулирует цены на книги? Или любое издательство вправе брать за свои книги столько, сколько пожелает?

Много раз об этом уже писалось, но издательский «воз и ныне там».

И. ГАНДЛИН

БОЛЬШАЯ ВЫСТАВКА СКУЛЬПТУРЫ

Свыше 250 статуй, бюстов, барельефов и скульптурных композиций будет представлено на открывающейся на-днях выставке в музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

На этой выставке примут участие около 80 московских мастеров.

Скульпторы С. Д. Меркуров и И. Д. Шадр выставляют статуи Ленина. Скульптор З. Н. Виленский — статую Кирова. Б. И. Яковлев — бюст Сталина.

Много на выставке скульптурных портретов писателей. У входа в музей — четырехметровая статуя А. С. Пушкина работы И. А. Менделевича.

Скульптор И. Н. Чайков представил бронзовую фигуру В. В. Маяковского. Будут выставлены также бюсты Горького, Достоевского, Гоголя, Белинского, Некрасова, Н. Островского. Шота Руставели и барельефы, изображающие Горького и Тараса Шевченко.

Четвертая часть повести «Жизнь Клима Самгина»

Четвертая часть посмертного произведения А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина» вышла в Гослитиздате.

Тексту повести предпослано краткое предисловие Комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по приемке литературного наследия и переписки А. М. Горького:

«В оставленном М. Горьким художественном литературном наследстве наибольшее значение имеет рукопись последней, четвертой части «Жизни Клима Самгина». Всего в рукописи 164 четырехстраничных листа большого формата с широкими полями. К рукописи приложены отдельные заметки — о приезде Ленина в Россию и смерти Самгина. Этими сценами Алексей Максимович, видимо, хотел закончить работу над четвертой частью. Мы помещаем их в конце книги.

Первые 82 страницы настоящего издания окончательно отредактированы и в рукописи имеют надпись Алексея Максимовича: «Последняя редакция».

Далее в предисловии отмечаются отдельные недоработанные места книги. Их немного.

«Перечисленные недоработки по отношению к общему об'ему рукописи, — читаем мы в предисловии, — все же настолько несущественны, что ни в малой мере, как увидит читатель, не лишают четвертую часть повести «Жизнь Клима Самгина» художественной цельности».

КНИГА О МАСТЕРАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХЛОПКОВОДСТВА

В издательстве Узбекгиза только что вышла книга очерков и стихов о 24 орденоносцах-хлопкоробах, получивших высшие награды советского правительства — ордена Советского Союза — за высокие показатели в борьбе за хлопковую независимость Советского Союза. Сборник называется «Орденоносцы — книга о мастерах социалистического хлопководства». Над книгой работало 23 писателя советского Узбекистана, в числе коих Айбек, Айдын, Эльбек, Гафур Гулям, Маджиди, Шамс, Турсун, Гулям Шади, Гайрати, Яшин и др.

А. АРШАРУНИ

Оруженосец Авербаха

Преступная контрреволюционная деятельность авербаховской группы не ограничилась одной русской литературой. Авербаховцы пытались свою вредную троцкистскую групповщину распространить также и на область литературы народов СССР.

Едва ли стоит останавливаться долго на том, что главным теоретиком троцкистских «литераторов» в национальном вопросе был враг народа троцкист Авербах. Некоторое время проводником «идей» Авербаха был Коваленко—заклятый враг народа, троцкистский выродок, и троцкист Селивановский. На этом участке Авербахом был выдвинут и Б. Буачидзе.

По поручению секретариата Правления ССП нам пришлось заняться изучением «деятельности» этого оруженосца Авербаха.

Деятельность Б. Буачидзе в качестве литературного критика, рапповского теоретика, представителя и проводника троцкистской нацполитики авербаховщины в литературе имеет два этапа: первый до 23 апреля 1932 года, второй—после постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литорганизаций.

Рассмотрим в этом плане его деятельность.

До 23 апреля 1932 года Б. Буачидзе возглавлял грузинскую АПП, закавказскую АПП, являясь доверенным лицом Авербаха. Пользуясь личной и безусловной поддержкой Авербаха, Б. Буачидзе насаждал рапповские методы в грузинской литературе и в литературных организациях Закавказья.

Авербах поддерживал и выдвигал Буачидзе в качестве своего человека, на которого можно положиться.

В конце 1929 года и начале 1930 года внутри закавказской и грузинской АПП разгорелась групповая борьба, которая кончилась не в пользу Буачидзе. В эту борьбу из Москвы вмешалось рапповское руководство (Авербах, Селивановский и др.), предлагая вернуть Буачидзе к руководству.

В дальнейшем Б. Буачидзе получил «повышение» от Авербаха и Сутырина. Он был приглашен на пост второго секретаря ВОАПП (первым был Авербах).

Второй пленум совета ВОАПП открывал и на нем председательствовал в конце 1931 года Б. Буачидзе.

В своей речи на этом пленуме он отстаивал авербаховский троцкистский лозунг: «союзник или враг». Он говорил: «...в процессе завоевания гегемонии пролетарской литературой роль попутничества как такового не возрастает, а снижается. Наиболее подлинные попутчики становятся союзниками, а наиболее подлинные союзники вливаются в пролетарскую литературу» («Пролетарская литература СССР на новом этапе», 1931 г., стр. 52).

В том же своем выступлении на II пленуме совета ВОАПП Б. Буачидзе, поддерживая Коваленко, предлагал «поработать с большей точностью, с большей настойчивостью над методом диалектического материализма» (там же, стр. 49).

Тогда же Б. Буачидзе говорил о том, что в Закавказьи «была фракционная борьба, наиболее ожесточенная, такая фракционная борьба, которая по своей фракционности может перещеголять или, во всяком случае, конкурировать с той фракционной борьбой, которая шла в РАПП за последние годы» (там же, стр. 48).

Конечно, он изображал дело так, будто групповую фракционную борьбу вели не авербаховцы, а все те, кто боролся против авербаховщины.

После 23 апреля 1932 г. Буачидзе на словах признал, что решение ЦК нашей партии о ликвидации РАПП правильно, что надо «включиться в борьбу за претворение в жизнь постановления ЦК от 23 апреля». Такие заявления Буачидзе делал несколько раз. Но в 1933 году он выпустил на русском языке книгу под названием «Творческие вопросы грузинской литературы». В предисловии к ней он писал: «Настоящая книга, большая часть которой написана после исторического постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., является посильным участием автора в реализации указаний этого исторического документа о перестройке работы литературно-художественных организаций, целиком и полностью относящихся и к грузинской литературе» (стр. 5).

Что же содержалось в этой книге, большая часть которой, по словам самого автора, написана после решения ЦК партии от 23 апреля?

В главе «О перестройке литературной работы» (выступление на II пленуме Всесоюзного оргкомитета ССП в феврале 1933 г. по докладу Грузинского оргкомитета) Б. Буачидзе писал: «Конечно, я возглавлял руководство Ассоциации пролетарских писателей Грузии и Закавказья, то руководство, которое в основном п р о в о д и л о   п р а в и л ь н у ю   п а р т и й н у ю   л и н и ю (разрядка автора—А. А.), выполняло ряд важнейших задач пролетарского и советского фронта литературы, но которое за последние годы своего существования в своей работе проявило элементы групповщины» (стр. 41).

Таким образом Буачидзе настаивал на том, что руководство РАПП якобы проводило правильную партийную линию, предполагая, очевидно, что читатель забыл постановление ЦК ВКП(б).

Отметим также, что Б. Буачидзе очень глухо сказал здесь об «элементах групповщины», очевидно рассчитывая, что все уже успели позабыть его выступление в мае 1931 года и слова о том, что в закавказской и грузинской АПП фракционная борьба смело конкурировала с рапповской фракционностью.

Так начинал Буачидзе «перестраиваться» после апреля 1932 года.

В разделе «Романтика прошлого» Буачидзе посвятил 6 страниц творчеству поэта И. Гришашвили. Суждения Буачидзе о поэте Гришашвили могут служить образцом худших методов авербаховской «критики».

Буачидзе писал:

«Для каждого поэта наступает период поэтического «изживания», Гришашвили закончил уже и этот период» (стр. 343).

Этой фразой Буачидзе одним ударом попытался и убить Гришашвили и создать закон предела творческого пути поэта вообще. Но послушаем дальше:

«Гришашвили для советской литературы не действенная фигура; никто и не собирается выводить его из царства забвения. Но почему-то поэту показалось, что его призывают стать поэтом нового времени. Никто и не думал этого делать. А если и подумал, то очень ошибся: поэзия социалистического строительства в Гришашвили не нуждается, Загэсу его стихи не нужны» (стр. 345).

Критик возмущен, что И. Гришашвили, который по его же признанию «обладает выдающимся поэтическим даром», пишет стихи, жалуется на рапповские методы критики словами:

«Скажем, я стиха не посвятил вам.
Неужели поэтому—я враг ваш?»

«Перестроившийся» теоретик Буачидзе стукнул по голове Гришашвили авербаховской дубиной:

«Кто вас просит, гражданин поэт, посвящать нам стихи?

Никто и не думал упрекать вас за то, что вы не пишете созвучных времени стихов. Но вот если оставите писать и несозвучные, то это будет совсем хорошо. Хорошо будет, если откажетесь от своих претензий» (стр. 346).

Как назвать эту «перестройку»? Что общего имеет эта развязная, наглая писанина с литературной критикой?

Свои статьи, написанные в рапповский период, Буачидзе переиздал в 1934 году на грузинском языке, причем нигде не упомянул о том, что он допускал какие-либо ошибки в своей критической работе, и тем самым взял под защиту свои авербаховские установки.

В этих статьях Буачидзе последовательно проводил пресловутый рапповский лозунг «союзник или враг». Он зачислял большую часть грузинских писателей в лагерь реакционной литературы и внутри эмигрантского крыла.

Он включил в сборник статью, написанную в 1931 г., т. е. накануне ликвидации РАПП, в которой об'являл Шалву Дадиани, известного грузинского драматурга, народного артиста республики — «в с е ц е л о   д в о р я н с к о - б у р ж у а з н ы м   п и с а т е л е м».

В 1933 г. Буачидзе написал статью о поэзии, направленную против П. Яшвили, Г. Леонидзе и др.

К передовым силам грузинской советской поэзии Буачидзе отнесся с авербаховским высокомерием и цинизмом. Об указанных поэтах он писал: «Они—жалкие воробьи. Известно, что стрелять из пушек по воробьям—не большое геройство».

Относительно П. Яшвили Буачидзе писал:

«П. Яшвили **являлся** значительной и своеобразной фигурой в грузинской поэзии. За последние годы он долго молчал. Наивный человек подумал бы, что такой поэт, обновив работу, скажет что-либо новое. Допустим, что требовать новое — слишком. Но что-либо сказать ведь необходимо».

«Яшвили никогда не беспокоила ни собственная, ни чужая философия. Но довести лирические настроения до такой бледности—даже и для Яшвили—слишком».

Не трудно понять, что Буачидзе здесь продолжал свой старый стиль критики «оглоблей».

Он стремился оттолкнуть этих поэтов от советской литературы.

Вот характерная цитата:

«Существуют поэты, которые против своих убеждений пишут «революционные» поэмы. И, естественно, поэмы эти в идейном и художественном отношении оказываются чрезвычайно легковесными. Революционность их — только грим, и довольно скверный. Они никогда не могут волновать, а тем более — вдохновлять. Здесь гнездо красной халтуры. Временами грим линяет—тогда сквозь него проглядывает подлинное лицо.

Неправильное понимание постановления 23 апреля смыло белила и румяна и с некоторых поэтов из «Голубых рогов». И обнаружилась страсть к пустой лирике». («Творческие вопросы гр. литературы», ст. 195—6).

Говорить таким образом относительно П. Яшвили, Г. Леонидзе, и др — значит клеветать на советских поэтов, отталкивать их от позиций советской литературы, ставить под подозрение их искренние попытки писать на темы современности.

В органе ЦК КП(б) Грузии «Коммунисте» была напечатана статья тов. Б. Жгенти, в которой автор статьи разоблачал, критиковал книгу Б. Буачидзе.

Признал ли Б. Буачидзе свои ошибки? Нет.

10 февраля 1932 г. в газете «Заря Востока» за подписью Б. Буачидзе появилось письмо в редакцию. Мы читаем в нем следующее место об Илье Чавчавадзе, крупном классике грузинской литературы XIX в., реалисте и выдающемся деятеле национально-освободительного движения во второй половине XIX века в Грузии.

«Илья Чавчавадзе, — писал Буачидзе,—не был борцом против крепостничества, а был передовым, умным представителем дворянства, т. е. наиболее сильным и рьяным реакционером, который своей деятельностью приносил больше пользы своему классу».

Отметим, что враг народа П. Кикодзе в сборнике статей под названием «Против социал-федерализма в литературной критике» (Батуми, 1932 г.) поместил письмо Б. Буачидзе в редакцию газеты «Заря Востока», подчеркивая этим общность их взглядов.

Б. Буачидзе **нигде не выступал в печати** о том, что он осуждает свое ошибочное письмо с клеветой на И. Чавчавадзе, **нигде не заявлял свой** протест против помещения его «письма» в сборнике «Против социал-федерализма в литературной критике», **нигде** не отмечал свое несогласие в этом отношении с врагом народа П. Кикодзе.

Такова еще одна из сторон «борьбы» Б. Буачидзе с троцкизмом в литературе.

За 5 лет существования ССП Грузии, созданного на основе апрельского решения ЦК ВКП(б), Буачидзе не помогал организации в осуществлении важнейших и ответственных задач союза.

ССП Грузии давал Буачидзе все возможности перестроиться и включиться в работу. Как же использовал Буачидзе эти возможности?

В 1935 г. Буачидзе был командирован в Белоруссию во главе бригады грузинских писателей. Будучи руководителем бригады в Белоруссии, он сделал доклад, в котором дал рапповское освещение состояния грузинской литературы.

Президиум ССП Грузии своим специальным решением в сентябре 1935 г. осудил этот доклад.

В продолжение 2½ лет Буачидзе занимал пост председателя секции критиков ССП Грузии. Он провалил работу секции и лишь под нажимом провел за 2½ года 2 или 3 собрания.

Буачидзе не отмежевался от своих бывших друзей и соратников—врагов народа Авербаха, Макарьева, Коваленко и др. и после их разоблачения.

Стоит ли делать выводы? Они и так без комментариев ясны. Что скажет Б. Буачидзе и как он об'яснит свою деятельность и в особенности свою тактику «отсиживания»?

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1838 г. Песня о купце Калашникове

12 мая 1838 г. в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» впервые была опубликована «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Лермонтов закончил «Песню» вскоре после того, как был выслан из Петербурга за стихотворение «На смерть поэта». А. А. Краевский, редактировавший тогда «Литературные прибавления», получив «Песню», сразу же направил ее в цензуру. Цензор, узнав, что автором является Лермонтов, категорически запретил печатание. Совершенно невозможно, — пояснил он, — печатать стихи человека, только что сосланного на Кавказ за либерализм. Краевский обратился за поддержкой к Жуковскому. Прочитав «Песню», Жуковский пришел от нее в восторг и написал письмо министру народного просвещения Уварову. Уваров, прославившийся гонениями на Пушкина, на этот раз снизошел к просьбе Жуковского и разрешил напечатать «Песню», но без фамилии автора. Краевскому пришлось опубликовать ее за подписью: **«—въ».**

«Песня» имела редкий успех. Белинский писал о ней: «Здесь поэт от настоящего мира неудовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошедшее, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим».

Как известно, ряд комментаторов и биографов Лермонтова долгое время пытались толковать «Песню», как примирение Лермонтова с русской действительностью, ибо поэт «ни единым возгласом возмущения или протеста не нарушил эпического спокойствия грустной «Песни» (Котляревский). Другие утверждали, что «Песня» представляет собою всего навсего «стилизацию народного эпоса — характерный для Лермонтова этих лет фольклорный опыт» (Эйхенбаум). Резкую отповедь подобным толкованиям дал в свое время А. В. Луначарский. «Как смешно, что в лермонтовской «Песне про купца Калашникова», — писал он, — хотели видеть какую-то гармонию, какое-то примирение... В смысле классической законченности это произведение стоит на равной высоте с лучшими произведениями Пушкина. Но разве не чувствуется, что в нем есть заряд гигантского мятежа? Разве не изумительно, что в «Песне о купце Калашникове» выступает в качестве носителя бунта представитель третьего сословия? Если этот представитель третьего сословия еще не осмеливается поднять руку на царя, а только на его любимца, то тем не менее все там сводится к противопоставлению проснувшейся чести горожанина — царским капризам, царской силе самовластия».

1912 г. Умер А. Стриндберг

25 лет назад, 14 мая 1912 г., умер Август Стриндберг — один из крупнейших шведских писателей. В первых своих произведениях Стриндберг — убежденный последователь натурализма. В 80-х годах он — признанный глава натуралистической школы шведской литературы. Как драматург Стриндберг приобретает в тот период значение, далеко выходящее за границы его родины. Его драмы оказывают влияние на весь европейский и особенно на немецкий театр.

В этот период Стриндберг яростно нападает на буржуазный строй. Пройдя через полосу ницшеанства и мистицизма, в последние годы жизни Стриндберг опять направляет свое внимание на органические пороки общественного строя и обрушивается на него в «Черных комнатах» с еще большей силой, чем в «Красной комнате», написанной в начале литературной деятельности.

На русский язык переведено много произведений Стриндберга. На русской сцене ставились и его пьесы («Отец», «Фрекен Юлия», «Эрик XIV»).

1907 г. Умер Гюисманс

30 лет назад, 12 мая 1907 г., умер известный французский писатель Жорис Карл Гюисманс. В молодости Гюисманс вместе с Мопассаном принял участие в сборнике учеников и последователей Золя «Меданские вечера». В дальнейших своих произведениях, написанных в духе натуралистической школы, он рисует быт деклассированной, разорившейся мелкой буржуазии.

В 1884 г. в нашумевшем романе «Наоборот» Гюисманс порывает с натурализмом. В этом романе уже наметился переход его к мистицизму. В дальнейших произведениях Гюисманс целиком уходит в католический мистицизм, увлекается средневековой мистикой, оккультизмом и даже демонологией. Однако полностью порвать с натурализмом Гюисманс не смог. Даже в католических романах он сохраняет натуралистическую манеру письма. Благодаря этому его зарисовки духовенства и фанатически настроенных толп приобретают едва ли не критический оттенок, а в отдельных случаях (роман «Собор») превращаются в откровенное обличение фарисействующего духовенства.

Помимо романов Гюисманс написал несколько книг об искусстве. В 1897 г. он был избран президентом Академии Гонкуров. На русский язык переведены все наиболее известные произведения Гюисманса.

«Клуб левой книги»

«Клуб левой книги» возник в Англии в мае 1936 г.; основной его задачей была популяризация книг писателей, поддерживающих народный фронт. Основателями клуба были Виктор Голландс—известный лондонский издатель и активный антифашист, на-днях приехавший в СССР, Гарольд Ласки — профессор лондонского института экономики и Джон Стречи — известный журналист.

Членом клуба может стать тот, кто даст обязательство в течение полугода покупать по одной книге ежемесячно. Это в свою очередь дает право на очень большую скидку при покупке книг. Например, книгу в 10—15 шиллингов член клуба получает за 2 шиллинга 6 пенсов. Преимущество несомненно, скидка эта стала возможной благодаря планированию тиражей, которое немыслимо в обычных капиталистических издательствах. Популярность «Клуба левой книги» чрезвычайно выросла. В мае 1936 г. число членов клуба равнялось 6000 человек, сейчас оно достигает 50.000.

Пятьдесят тысяч человек, гарантирующих, что они купят по одной книге левого направления в месяц, — невиданное явление в Англии. Консервативные издатели стараются найти секрет этого «изобретения». Они организовали даже «Клуб правой книги», но толку мало. Правые не выказывают никакого энтузиазма.

В данное время клуб активно поддерживает идеи народного фронта. Издаваемый им ежемесячный журнал, носивший раньше название «Новости левой книги» и называющийся сейчас «Левые новости», становится политическим органом. Члены клуба развернули работу по всей стране, обсуждают книги, организуют помощь Испании и другие кампании, связанные с движением народного фронта; они же ведут культурную работу, ставят советские фильмы, революционные пьесы, читают с эстрад революционные стихи и т. д.

Борьба за книгу превратилась в могучее движение поддержки народного фронта, а сама книга стала грозным оружием этой борьбы.

Арт. Л. Розина в роли Суламифи в спектакле Государственного еврейского театра «Суламифь».

Жены писателей

Об'единение жен писателей существует около года. Недавно в ДСП происходили собрания актива. Эти собрания наводили на разные мысли, главным образом, своей малолюдностью. Из 800—900 писательских жен явилось едва ли 60—70 человек на первое собрание и не больше 20 — на второе.

Об'единение работает далеко не во всю силу, оно не использует все свои возможности и не выполняет всех своих задач.

— Конечно, жены инженеров на крупных заводах, жены командиров Красной армии, особенно в частях, расположенных далеко от культурных центров, имеют гораздо больше об'ектов работы, чем жены московских писателей, живущих и работающих в одиночку и к тому же нередко делающих вид, что они не нуждаются ни в какой общественной организации (кроме Литфонда, разумеется).

Конечно, специфика нашей профессии значительно сужает круг деятельности об'единения жен. За отчетный год об'единение проделало не очень много работы, и эта работа не у всех на виду. Но вмешательство об'единения в постановку детских учреждений; выявление больных или особо одаренных детей писателей и направление их на лечение или специальную учебу; обследование писательского быта, которое должно лечь в основу всяческой помощи Литфонда; организация кружков самообразования, спортивных и оборонных, — стрелкового, ГСО, Красного креста; улучшение работы столовой ДСП; наконец, за последнее время, связь через Краснопресненский райком партии с фабриками и заводами, работа в заводских библиотеках, устройство литературных вечеров, чтение новых произведений по радио, организация на предприятиях встреч писателей с читателями и т. д., — вся эта проделанная работа существенна, важна и нужна. Если бы еще она проделывалась не горсточкой активисток, если бы в нее втянулись все 800—900 писательских жен, то она возросла бы количественно и тогда сделалась бы по-настоящему значительна.

Однако работает в активе все еще мало народу.

Почему?

Надо, прежде всего, с сожалением признать, что об'единение жен не нашло ни рационального использования, ни конкретной деловой поддержки в руководстве ССП.

Громадную, быть может решающую, роль сыграло также отношение мужей. Вряд ли есть у нас писатели, которые прямо запрещают женам заниматься общественной работой и при этом кричат, грозят разводом, стучат кулаками по столу и бьют посуду. Такой прием был бы слишком некультурен и даже опасен. Но пассивное, глухое сопротивление, подтрунивание, осмеивание активисток, шушукание по углам вместо критики, практикуются, увы, довольно широко.

Любой писатель охотно получит гонорар за созданный на бумаге образ домашней хозяйки, которая стала расширять свой мир, стала внимать другому шуму, кроме шума примуса, которая бросила в общественный котел немного и своих сил.

Но когда этот образ надо увидеть воплощенным не в авторский гонорар, а в личность собственной жены, то получается совсем другое дело. Нечего таиться — затхлая обывательщина в немалой мере свойственна и самим писательским женам.

Но есть и у нас много женщин передовых, сознательных и культурных общественниц. Они тоже могут сделать много хорошего. Надо им помогать. По крайней мере — не мешать. Надо помнить, что наша среда очень и очень нуждается в проветривании.

Всякое здоровое общественное начинание может этому только помочь, а потому заслуживает симпатии и поддержки.

ПИСАТЕЛЬ.

«СУЛАМИФЬ» В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЕВРЕЙСКОМ ТЕАТРЕ

Новая постановка Госет «Суламифь» имеет особое значение в творческой истории театра. «Суламифь» знаменует собою новые сдвиги в идейном и художественном развитии Госет, является новым шагом на пути к пересмотру и преодолению тех концепций, которые достались ему в наследство от бывшего руководителя Госет Грановского.

Много лет на сцене Еврейского театра народ показывался как скопище уродливых масок, как сборище человекообразных существ—с утрированной жестикуляцией, с вульгарными интонациями, с обезьяньей мимикой. И все это выдавалось за «самобытную», «национальную» форму, все это освящалось разными гнилыми теориями эстетствующих пошляков, верхоглядов и приспособленцев!

Дорогой ценой уплатил Госет за эту практику. Его актеры надолго разучились говорить и двигаться по-человечески, для них оказался закрытым внутренний мир людей, в изображении которых они пользовались сугубо условными знаками.

Спасительным обстоятельством для театра явилось то, что в своих поисках он обратился к величайшему художнику-реалисту—Шекспиру. Работа над «Королем Лиром» оказалась бы большой школой для актеров Госет даже в том случае, если бы постановка не удалась. Невозможно окунуться в мир шекспировских страстей, могучего шекспировского слова, и ничего не пересмотреть в своем творческом балансе, не почувствовать в себе настоящей творческой тревоги, не обрести опоры для дальнейшего продвижения к высотам реалистического искусства.

Но в жизнь Госет, наряду с Шекспиром, вошел косвенным путем и другой фактор, не в меньшей мере предопределивший характер последней постановки—«Суламифи». Этим фактором безусловно явилась дискуссия о «Богатырях». Основной урок дискуссии хорошо усвоен коллективом Госет: он отказался от вульгарного нигилизма в тех случаях, когда речь идет о творческих ценностях народа.

И Госет создал спектакль-легенду, полный поэтического обаяния, пронизанный солнцем, музыкой, воскрешающий тонкий аромат величайшего шедевра еврейской народной лирики «Песни песней». То, что Госет понял необходимость и законность обращения в данном случае к этой жемчужине не только еврейской, но и мировой литературы, делает ему честь.

Еврейские богословы приложили немало усилий к тому, чтобы выхолостить из «Песни песней» ее подлинное содержание, чтобы утвердить ее в обиходе, как морализующую аллегорию на религиозной основе.

Спектакль Госет освобождает это детище народного гения из-под спуда теологически-раввинистических комментариев: перед нами люди с земными страстями и влечениями, люди, безраздельно находящиеся во власти чувств, «сильных, как смерть» и «жестоких, как ад», перед нами народ, умеющий веселиться с детской непосредственностью и отражать атаки неприятеля с львиной храбростью, любящий предания и песни старины, верный законам дружбы и т. д.

Спектакль «Суламифь» насыщен народной поэзией. Этим он обязан в значительной степени автору текста С. Галкину. Этот замечательный художник, снискавший всеобщее уважение своими прекрасными переводами классической литературы («Короля Лира», «Скупого рыцаря» и др.), в то же время являет собою тип поэта, впитавшего в себя и лучшие традиции еврейской поэтической культуры. Это оказало ему незаменимую услугу при работе над «Суламифью». Читать стихи «Суламифи»—наслаждение, и не меньшее наслаждение их слушать. Они лаконичны, музыкальны, полны внутренней динамики и легко произносимы. А, главное, это подлинная поэзия, чудесно воскрешающая колорит «Песни песней», дающая полное ощущение ее трепетных и многообразных ритмов.

В полной гармонии с текстом Галкина и музыка Л. Пульвера. Она входит в спектакль, как органическая его часть, сливаясь с тем, что происходит на сцене. В ней легко обнаружить народные истоки мелодий, смело, талантливо используемых Пульвером. Народность—особенность творчества Пульвера, и именно это обстоятельство обеспечило его произведениям исключительную популярность среди еврейских масс.

Текст, музыка и необычный для Госет подход к историческому материалу, сопряженный с вдумчивым использованием народного эпоса, — вот что определяет безусловный успех спектакля.

В актерском исполнении нет особых взлетов, «озарений», нет той проникновенности, мы бы сказали, благоуханности, которой отличается работа Галкина и Пульвера. Но все исполнители (Розина, Шехтер, Берковская, Минкова, Шмаенок, Ней, Фабрикант и др.) искренне увлечены и создают в конечном счете ансамбль, осуществляющий поставленные перед ним задачи.

Михоэлс в содружестве с художником Рындиным нашел ясный и спокойный стиль постановки, помогающий раскрыть поэтическую сущность гольдфаденской легенды в ее новой интерпретации.

Элементы «красивости», правда, проскальзывают временами в постановке, в самом оформлении спектакля. Они, надо надеяться, будут со временем убраны. Точно также следует театру поработать еще и над массовыми сценами: в них иногда много пластики, много хороводных красок, но... нет народа. Постановщик спектакля Михоэлс должен обязательно устранить этот недостаток. Вся структура самой пьесы сильно облегчает эту возможность.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН.

«20 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»

Писатель Б. Н. Агапов работает сейчас над текстом художественного альбома **«20 лет советской власти»**.

Текст альбома напоминает скорее развернутые надписи в кинокартинах, нежели сжатый очерк, и приближается в некоторой степени к тем работам т. Агапова, которые были в свое время исполнены им для номеров журнала «СССР на стройке», посвященных Днепрогэсу, электрификации, автомобильной промышленности.

В альбоме будут опубликованы интереснейшие документы — снимки с оригиналов декретов советской власти в 1917 году; факсимиле тт. Ленина и Сталина — выдержки из отдельных статей и резолюций; телеграммы и письма солдат с фронта; редкие снимки из эпохи гражданской войны и интервенции.

Альбом выходит в Изогизе под редакцией тт. И. А. Акулова, И. С. Уншлихта, Н. Н. Рабичева, П. М. Керженцева, Б. Ф. Малкина.

Об'ем альбома 50 печатных листов.

«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Совещание в редакции «Литературной энциклопедии»

Редакция «Литературной энциклопедии» подготовляет к печати десятый том, в котором будет помещена большая статья «Русская литература».

Статья состоит из нескольких разделов и посвящена основным эпохам истории русской литературы, начиная с устного народного творчества и кончая современной советской литературой.

Ввиду особой важности этой статьи, редакция «Литературной энциклопедии» решила устроить несколько совещаний для предварительного обсуждения каждого раздела.

8 мая под председательством П. И. Лебедева-Полянского, состоялось первое совещание, посвященное обсуждению статьи В. В. Михайловского «Русская литература XX века до великой социалистической революции».

Референтом выступил на совещании П. Н. Медведев. В обсуждении приняли участие тт. Тагер, Розанов, Поляк, Лебедев-Полянский и др.

На втором совещании обсуждались разделы статьи: «Древнерусская литература» (автор — Н. К. Гудзий), «Русская литература XVIII в.» (автор — А. И. Билевский) и «Русская устная поэзия» (автор — Б. Л. Розенфельд).

В издательском товариществе иностранных рабочих

К XX годовщине Великой Пролетарской Революции издательское товарищество иностранных рабочих готовит сборник «Немецкие революционные писатели о Советском Союзе».

В этом сборнике будут напечатаны пьесы, новеллы, рассказы и отрывки Вилли Бределя, Фридриха Вольфа, Теодора Пливье, Гуго Гуперта, стихи Иоганес Бехера, Эриха Вайнерта и др.

Об'ем сборника — 15 печатных листов.

Готовится на немецком языке к печати сборник стихотворений автора «Интернационала» — французского революционного поэта Потье.

В этом сборнике будут напечатаны «Гибель планеты», «Крестьянин и его дом», «Наполеон I», текст «Интернационала», стихи о Парижской Коммуне и др. — всего более 40 стихотворений в переводе революционного поэта Эриха Вайнерта.

В ближайшее время выходит на немецком языке книга Анри Барбюса «Сталин».

В ближайшее время выходят на немецком языке четыре тома избранных произведений А. С. Пушкина.

Вышла «Биография Пушкина» В. В. Вересаева.

Хроника искусств

✱ Композитор В. Волошинов пишет оперу на сюжет пьесы Виктора Гусева «Слава». Либретто написано самим драматургом. Опера включена в репертуар Большого театра.

✱ **Большой праздник музыки и песни** состоится в день открытия Центрального парка культуры и отдыха (18 мая) в Москве.

✱ **Новые песни о Ленине и Сталине** собрал в большом количестве Институт фольклора Украинской академии наук. Лучшие из этих песен будут изданы отдельным сборником в художественной обработке композиторов М. Гозенпуда, В. Косенко, В. Грудина, Арнаутова и др.

✱ **На гастроли в Ленинград** выезжает 15 мая Киевский орденоносный театр оперы и балета. Театром будут показаны 3 украинские оперы: «Наталка Полтавка», «Запорожец за Дунаем», «Тарас Бульба» и опера чешского композитора Сметана «Проданная невеста».

✱ Ольга Форш и Д. Щеглов написали либретто для оперы «Рассвет» на тему революционного рабочего движения конца прошлого столетия. Музыку к опере пишет композитор Давид Френкель.

✱ Композитор М. В. Коваль закончил работу над оперой «Усадьба», в основу которой взят сюжет «Графа Нулина». Либретто написано Ю. М. Анисимовым.

ДЕКАДА УЗБЕКСКОГО ИСКУССТВА

Всесоюзный Комитет по делам искусств организует в Москве декаду узбекского искусства, открывающуюся 21 мая в филиале Большого театра Союза ССР. Во время этой декады будут показаны спектакли государственного узбекского музыкального театра им. Икрамова, концерты Узбекской государственной филармонии, ансамбля народных танцев, хоровой капеллы и др.

Всего для участия в декаде узбекского искусства приезжает в Москву свыше 700 человек артистов, танцоров, сказителей и народных певцов.

Однотомник произведений Николая Островского

В издательстве «Молодая гвардия» в улучшенном издании выходит однотомник произведений покойного писателя-орденоносца Николая Островского.

В книгу войдут романы «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей».

ИЗВЕЩЕНИЯ

13 мая в 7 часов вечера в помещении Дома Советского писателя состоится продолжение обсуждения романа Ф. Панферова «Творчество» (4-я книга «Брусков»). В прениях выступают: тт. В. Кирпотин, П. Юдин, А. Фадеев, О. Войтинская, А. Гидаш, Скиталец, В. Ильенков, Г. Лебедев, Матвейчук и другие.

10 мая с. г. в 12 часов дня в кинозале ССП СССР (ул. Воровского, д. 52) состоится общее собрание драматургов Москвы.

В повестке дня — **выборы нового бюро секции драматургов ССП и общественное обсуждение творческого наказа новому бюро.**

10 мая состоится общемосковское собрание жен писателей.

Повестка дня:

Отчет о работе Совета жен.

Перевыборы Совета.

Собрание состоится в ДСП (Ул. Воровского, 50) в 7 часов вечера.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Н. ДМИТРИЕВ

«Как закалялась сталь» в московском ТРАМ

Московский центральный театр рабочей молодежи поставил инсценировку романа Николая Островского «Как закалялась сталь» (постановщик И. Я. Судаков). Инициатива театра заслуживает всяческого одобрения.

Тема романа «Как закалялась сталь» выражена в образе Павла Корчагина. В нем раскрываются основные черты характера молодого человека новой эпохи, выковывающегося в огне пролетарской революции.

Исключительная цельность натуры, несгибаемая сила воли, неподкупная чистота убеждений, подлинный героизм и страстная идейная преданность делу революции — таковы основные черты этого характера.

Преданность делу всегда и всюду, на любом этапе революции, на любом фронте борьбы, в любую минуту жизни.

Преданность делу революции большому и малому, выдающемуся или незаметному, ответственному или рядовому.

Раскрыть этот образ в его глубочайшем содержании, раскрыть во взаимодействии с другими образами романа, как Жухрай или Тоня Туманова, — такова была ответственная задача театра.

И рядом с этой задачей стояла другая — показать, как образуется герой подобного склада, как закаляется сталь такого характера. Островский взял своего героя из среды рабочего класса. Он показал реальную жизненную основу убежденности и революционности героя, основу, образованную историческими жизненными условиями этого класса. Но то была лишь основа. Характер Корчагина воспитался и определился в борьбе пролетариата, руководимого большевистской партией.

Островский провел Корчагина через важнейшие этапы революции и показал его закаляющимся в этой непрерывной борьбе с трудностями, связанными с особенностями каждого этапа. Особенности личной судьбы и биографии Корчагина, увеличившие эти трудности (болезнь), способствовали еще более яркому, более глубокому раскрытию этого характера.

От театра нельзя, разумеется, требовать раскрытия содержания романа во всей сложности и во всем его богатстве. Однако, располагая полным подлинного драматизма материалом, авторы инсценировки (Ю. Гегузин и И. Судаков) и театр имели все возможности показать главное — характер героя, воспитание этого характера. Это-то главное и ускользнуло от театра в его работе над инсценировкой «Как закалялась сталь».

Действие в спектакле начинается с эпизода — приход большевиков в город Шепетовку и встречи Корчагина с Жухраем. Таким образом театр с самого начала спектакля делает Павла Корчагина активным участником больших событий романа. Образ Павла (в исполнении артиста Шпрингфельда) с первой же сцены предстает сниженным и обедненным. Это происходит, во-первых, потому, что зритель не подготовлен к правильному восприятию этого образа, так как театр никак не показывает жизни Павла до указанного эпизода, а, во-вторых, из-за самой трактовки этого образа театром и в частности актером.

В романе до момента, с которого начинается инсценировка, Павел Корчагин — шестнадцатилетний юноша — уже проходит суровую школу жизни, познав и возненавидя капиталистическую эксплоатацию.

На сцене же — прыгает, мальчишествует заурядный мальчишка-сорванец, готовый в любую минуту полезть в драку.

В своем стремлении избежать ходульности и создать правдивый живой облик героя с особенностями, свойственными подростку, режиссер и актер потеряли чувство меры.

Линия «опрощения», т.-е. выхолащивания большого внутреннего содержания эпизодов замечательной биографии, проведена инсценировщиками и театром довольно последовательно. Непонятно, зачем понадобилось искажать инцидент с попом, сообщенный на сцене, рассказом Павки. По роману, Павка насыпал табаку в тесто попу в отместку за его расправу с ним, обнаружившим человеческий интерес к установлению истины. В изложении театра этот эпизод истолкован как простое озорство. Столкновение Павки с гимназистами подано в преувеличенно комическом тоне, с легкостью и небрежностью, снижающей его подлинный смысл. Драчун и озорник заслоняет и здесь большого героя. Замечательный эпизод освобождения Павкой Жухрая, при всей верности деталей передачи, искажен трактовкой конвойного. Конвоир этот представлен унылым, вялым, растяпистым мужиком.

В трактовке этого эпизода сказались те две особенности театра, которые помешали ему раскрыть тему и характеры романа в истинном свете. Это, во-первых, стремление внести несвойственный обстоятельствам и образам романа комизм как элемент занимательности. Так, например, показана мать Сережи Брузжака, преувеличенная сварливость которой должна, по расчетам постановщика, вызвать смех у зрителя. Расчет не оправдался. Сцена, в которой мать Сережи и Вали Брузжак бегает с хворостиной в поисках сына, чтобы его избить, вызывает раздражение. Она искажает образ матери двух героически погибших юных революционеров, с большой теплотой созданный автором романа. С другой стороны, авторы инсценировки пошли по линии преуменьшения препятствий, преодолеваемых героем. В этом плане показана сцена освобождения Павла из-под ареста полковником Черняком. Этот чрезвычайно напряженный и волнующий в романе эпизод показан на сцене неправдоподобно. Авторы инсценировки выбросили из этой сцены деталь, которая оказалась чрезвычайно существенной, — присутствие парикмахера Зельцера. В результате этого изменения и неверной трактовки самого полковника Черняка сцена эта потеряла свой подлинный драматизм и убедительность. Освобождение Павла и, следовательно, спасение его жизни оказались чрезвычайно легким делом.

В спектакле не отражена во всей суровости борьба Павла на всех этапах революции и его жизни. Совсем не показана та стадия его борьбы, которая довершает цельность этого героя, раскрывая всю силу его воли и мужество его характера — работа над овладением писательским делом. Замечательные слова Корчагина по поводу мысли о самоубийстве исчезли совсем. А ведь они формулируют кульминационный пункт достигнутого Павкой мужества и обнажают во всем блеске сталь его характера.

Вступив на путь преуменьшения реальных препятствий и смягчения суровости обстановки борьбы и жизни героя, театр тем самым сделал невозможным для себя показать типическое содержание этого характера, ибо это содержание создано как раз борьбой с этими трудностями. Театр не решил той темы, которая поставлена в названии, он не показал, как закалялась сталь.

Молодой актер Шпрингфельд, создавший в других спектаклях Трам интересные образы, не справился с ролью Павла Корчагина.

Помимо указанных выше недостатков в трактовке Корчагина артист проявляет на всем протяжении спектакля излишнюю нервозность и истеричность, так несвойственные раскрываемому им образу.

Ускользнула от театра и борьба Павки за дисциплинированность. На сцене дан эпизод ухода Корчагина в конную армию Буденного, но другие эпизоды, показывающие мужественную победу дисциплинированности Павки, театром не показаны.

Наконец, совершенно не удались театру женские образы. Корчагина и Бруззжак (мать) представлены без тепла, без тонкого художественного такта. Артистка Половикова играет роль Тони Тумановой верно и хорошо. Но позднейшие отношения Корчагина к Тумановой явно искажены сочиненной драматургом сценой разрыва их дружбы.

Лишенным чуткости и человечности предстает Павка в этой сцене, где в ответ на законные чувства беспокойства Тони о его здоровье он грубит и называет ее мещанкой. А ведь Корчагин Островского терпеливо воспитывал свою жену, подтягивал ее к своему уровню, сделал ее преданным членом партии. Здесь уже явно грубое искажение образа.

Наконец, вызывает всяческие возражения работа авторов инсценировки над языком пьесы. Язык, которым говорят герои на сцене, несет в силу особенностей сцены двойную нагрузку. Он становится на место тех многообразных средств, которыми располагает писатель в романе, раскрывая свою тему и свои характеры. Требовалась большая, особая дополнительная работа, которую авторы не проделали. Больше того, он как бы нарочно выпятил наиболее слабые стороны языка Корчагина, усиленно снабдив его выражениями вроде «гад ползучий», «недорезаный буржуй» и пр. И этим самым еще раз принизил замечательный образ, созданный Островским.

Театр должен переработать и доработать этот спектакль. И это следует сделать, не боясь всех трудностей, ибо вынесением на сцену темы и героя романа Островского «Как закалялась сталь» театр получает возможность поставить чрезвычайно важную тему современности.

Уполном. Главлита В—26125

Типография газ. «За индустриализацию», Москва, Цветной бульв., 30.